

ХИЗЕР
ГУДЕНКАУФ

22 недели
в списке
бестселлеров
NEW YORK
TIMES

БРЕМЯ
МОЛЧАНИЯ

Crime • Thriller • Horror

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОГО РОМАНА

Хизер Гуденкауф

Время молчания

«Центрполиграф»

2009

Гуденкауф Х.

Время молчания / Х. Гуденкауф — «Центрполиграф», 2009

В Уиллоу-Крик, маленьком городке штата Айова, пропали две семилетние девочки – Калли Кларк и ее лучшая подруга Петра Грегори. Отец Калли – алкоголик, который, напившись, избивает жену и старшего сына Бена. Несколько лет назад после особенно безобразной сцены Калли перестает говорить, и ее «голосом» становится Петра. Поиском подруг занимается помощник шерифа Лорас Луис. Он боится, что девочек похитил опасный маньяк, который год назад при сходных обстоятельствах изнасиловал и убил десятилетнюю девочку. Тогда преступника найти не удалось...

© Гуденкауф Х., 2009

© Центрполиграф, 2009

Содержание

Пролог	5
Калли	6
Петра	11
Калли	12
Мартин	14
Антония	16
Бен	19
Калли	21
Мартин	24
Помощник шерифа Луис	27
Петра	28
Калли	29
Антония	30
Помощник шерифа Луис	31
Бен	33
Калли	35
Мартин	39
Антония	41
Калли	44
Помощник шерифа Луис	45
Бен	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Хизер Гуденкауф

Бремя молчания

*Посвящается моим родителям,
Милтону и Патрише Шмида*

*Каждый, кто попадает сюда, понимает, что это истинная карта
мира, где в самом центре – вы и где есть место для всех нас.
Брайан Андреас*

Пролог

АНТОНИЯ

Мы с Луисом замечаем тебя почти одновременно. На опушке, за американскими липами – их приторно-сладкий аромат будет всегда напоминать мне о сегодняшнем дне – мелькает твоя розовая ночная рубашка. Вчера вечером ты надела ее перед тем, как лечь в постель. Я облегченно вздыхаю. Обращаю внимание на твои посеченные ножки, грязные коленки и серебряную цепочку, которую ты крепко сжимаешь в кулаке. Я тянусь к тебе, хочу подхватить тебя на руки, крепко обнять, прижаться к твоей потной голове. Никогда больше не пожелаю, чтобы ты нарушила молчание, никогда – даже про себя – не попрошу тебя заговорить. Ты вернулась! Но ты пробегаешь мимо, словно и не замечаешь меня, и останавливаешься рядом с Луисом. Я думаю: «Ты даже не видишь меня, все дело в том, что Луис – помощник шерифа... Умница, ты все делаешь как надо». Луис нагибается, и я как замороженная слежу за тобой. Твои губы шевелятся. Ты произносишь всего одно слово – оно вылетает из тебя легко, без усилий. Хотя ты много лет молчала, голосок у тебя не хриплый и неуверенный, а звонкий и смелый. Ты произносишь одно-единственное слово – первое за три года. Я тут же хватаю тебя на руки и плачу – мне легко, радостно и грустно одновременно. Отец Петры медленно оседает на колени. Не понимаю, почему ты назвала... Ладно, не важно. Мне все равно. Главное, что ты наконец заговорила.

Калли

Калли заворочалась в кровати. В ее комнате царила удушающая жара – в августе в Айове бывает тяжело. Духота давила на девочку. Она уже давно сбросила белое синелевое покрывало и простыни, розовая легкая ночная рубашка задралась до талии. Окно, хоть и открытое, было затянуто сеткой, через него не проникало ни малейшего дуновения ветерка. На полу лежали молочно-желтые полосы лунного света, похожие на тусклый отсвет уличного фонаря. Девочку разбудил шорох внизу, на кухне: отец собирался на рыбалку. Калли слышала его гулкие, уверенные шаги, которые сильно отличались от быстрой, семенящей маминой походки и нерешительной поступи Бена. Почувствовав сильное давление внизу живота, она села среди смятых простыней и мягких игрушек и сдвинула ноги, стараясь оттянуть минуту, когда придется бежать в туалет. Туалет в их доме имелся только один, и находился он на первом этаже. Почти половину комнатки, выложенной розовым кафелем, занимала старомодная ванна на белых гнутых ножках с обколотой эмалью. Калли не хотелось спускаться по скрипучим ступенькам и красться мимо кухни, где наверняка сидел отец – пил свой горький кофе и рылся в ящике с инструментами. Но по-маленькому хотелось все сильнее. Калли беспокойно ерзала на кровати и озиралась по сторонам. Несмотря на полумрак, она разглядела свои школьные принадлежности. Скоро она пойдет во второй класс! Они с мамой закупили все самое необходимое заранее. Теперь у нее самые лучшие, новенькие, еще незаточенные цветные карандаши, прозрачные обложки для тетрадей, гладкие ластики, от которых пахнет резиной. Рядом с карандашами – четыре отрывных блокнота с разноцветными обложками и коробка с фломастерами шестидесяти четырех цветов (в обязательном списке значилось двадцать четыре цвета, но мама понимала, что этого мало).

Калли любила школу, хотя для нее учеба означала не только радость. Ей нравился школьный запах – запах старых книг и мела. Идя к остановке школьного автобуса, она любила загребать новенькими тупельками палые осенние листья и слушать, как они шуршат. Учителей она тоже любила – всех до одного. Хотя Калли часто обсуждали на педсоветах и совещаниях. Всех их – директора, врачей, логопедов, учителей начальных классов, методистов, детских психологов, социальных работников – волновал один вопрос: почему Калли не говорит? Ее называли по-разному: девочка с отклонениями в развитии, аутистка, не такая, как все. Калли знала, что ее «отклонение» называется «селективный мутизм», или «избирательная немота». Ни тупой, ни умственно отсталой она не была. Она хорошо читала про себя и понимала книги, рассчитанные на детей среднего школьного возраста.

Мисс Монро, ее первая учительница в нулевке, энергичная дама с прямыми каштановыми волосами и сиплым, прокурренным голосом, не вязавшимся с внешностью выпускницы дорогого частного колледжа, считала, что Калли просто стесняется. На Калли обратили внимание в декабре, да и то лишь после того, как ее во второй раз за неделю пришлось вести в медкабинет переодеваться.

Школьная медсестра, миссис Уайт, выдала Калли запасные носки, трусики и спортивные брюки.

– Калли, ты почему не попросилась в туалет? – спросила миссис Уайт. Голос у нее был низкий и добрый.

Никакого ответа. Калли, как всегда, смотрела на нее широко открытыми глазами, без всякого выражения.

– Иди в ванную и переодейся, – велела медсестра. – Да подмойся получше!

Когда девочка ушла, миссис Уайт перелистала свой журнал. Она тщательно фиксировала мелким, аккуратным почерком дату и время прихода к ней детей и причины недомоганий: болит горло, болит живот, царапины, укусы. С 29 августа, первого дня занятий, имя Калли

появлялось в журнале девять раз. Рядом с каждым ее визитом стоял код ПМ – «проблемы с мочеиспусканием». Миссис Уайт обратилась к мисс Монро, которая привела Калли в медицинский кабинет.

– Мишель, с начала года Калли обмочилась уже девять раз. – Миссис Уайт сделала паузу, предоставив мисс Монро ответить, но учительница промолчала. Тогда миссис Уайт спросила: – Она ходит в туалет на переменах?

– Не знаю, – ответила мисс Монро, ее зычный голос был отлично слышен Калли за стеной, в ванной комнате. – Вернее, не помню. Во всяком случае, на переменах времени сходить в туалет у нее предостаточно... и даже если ей захочется на уроке, она всегда может попроситься.

– Придется звонить ее матери. Пусть свозит Калли к врачу. Может, у нее что-то с мочевым пузырем или с почками, – сухо и решительно заявила миссис Уайт. В школе ее ценили за профессионализм. – Ее нужно отпускать в туалет всегда, когда она захочет. На всякий случай можно посылать ее туда и на переменах...

– Хорошо, но попроситься-то она всегда может! – Мисс Монро развернулась кругом и удалилась.

Калли молча вышла из ванной комнаты. Она переделалась в розовые спортивные штанишки, которые были ей длинноваты и велики в поясе. В одной руке она держала целлофановый пакет с мокрыми трусиками в ярких клубничках, джинсами, носками и белыми теннисными туфлями в розовую полоску. На палец другой руки она рассеянно наматывала прядку каштановых волос.

Миссис Уайт наклонилась и посмотрела девочке в глаза:

– Калли, у тебя есть тапочки для физкультуры?

Калли опустила голову и посмотрела на пальцы ног в выцветших носках, таких старых, что просвечивал ярко-алый ноготь на большом пальце – вчера вечером мама покрасила ей ногти на ногах специальным «вампирским» лаком.

– Калли, – повторила миссис Уайт, – у тебя есть тапочки для физкультуры?

Калли посмотрела на миссис Уайт, поджала губы и кивнула.

– Вот и хорошо, – сказала миссис Уайт. – Иди в раздевалку и обуйся, а пакет с мокрыми вещами положи в свою сумку. Я позвоню твоей маме. Ничего страшного с тобой не случилось. Правда, это у тебя уже не первое такое происшествие. Вот почему я хочу сообщить о нем твоей маме. Ты меня понимаешь?

Миссис Уайт внимательно следила за Калли. Девочка подняла обветренное личико и разглядывала таблицу для проверки остроты зрения на белой стене.

Срочно созвали школьную комиссию для освидетельствования Калли. Педагоги и психологи пришли к выводу, что у девочки нет никаких органических нарушений. Долго думали, что с ней делать; наконец решено было обучить Калли нескольким словам на языке глухонемых, чтобы ей легче было проситься в туалет и объяснять, что ей нужно. Кроме того, ее записали на еженедельные занятия со школьным практическим психологом. Все терпеливо ждали, когда Калли заговорит, но она так и не заговорила.

Калли вылезла из кровати, осторожно взяла школьные принадлежности и переложила на сосновый письменный стол. Скоро, в первый учебный день, она точно так же аккуратно разложит свои сокровища на парте. Внизу – то, что потяжелее, сверху – самое легкое, карандаши и ручки в новеньком зеленом пенале.

В туалет тянуло все сильнее. Калли бросила взгляд на белое пластмассовое ведро для мусора рядом с письменным столом. Что, если воспользоваться им как ночным горшком? Нет, она не сумеет убраться за собой – мама или Бен обязательно заметят ее оплошность. Мама очень расстроится, если увидит в мусорном ведре лужу. Начнет расспрашивать ее, пытаясь понять, в чем дело. Придется без конца кивать или качать головой. «Туалет был занят, а ты не могла ждать?», «Вы с Петрой во что-то играли?», «Калли, ты за что-то злишься на меня?».

Может, вылезти в окно и спуститься вниз по шпалере? Шпалера оплетена луноцветами величиной с ее руку... Подумав, Калли пришла к выводу, что и такой выход не для нее. Она не умела снимать сетку с окна. Кроме того, если мама поймает ее за таким занятием, она еще, чего доброго, намертво заколотит окошко в ее комнате... Калли любила по ночам открывать окно. Дождливими вечерами она прижималась носом к сетке, и капли дождя падали ей на лицо. Она вдыхала запах пыльной выгоревшей на солнце травы, которая впитывала долгожданные капли влаги. В общем, ни к чему волновать маму. Однако и привлекать к себе внимание отца тоже не хотелось.

Калли медленно открыла дверь спальни и высунула голову наружу. Потом осторожно вышла из комнаты на площадку. Темно и душно – нечем дышать. Напротив ее спальни – спальня брата Бена, у него комната точно такая же, как у нее, только окно выходит на задний двор и опушку леса Уиллоу-Крик. Дверь к Бену была закрыта, как и дверь в родительскую спальню. Калли постояла на площадке, вслушиваясь, что происходит внизу, что делает отец. Тишина... Вот было бы здорово, если бы он уже уехал на рыбалку! Отец и его друг Роджер собирались порыбачить на востоке округа, на Миссисипи. Рано утром Роджер должен был за ним заехать. Вернутся они только через три дня, а ночевать будут в охотничьем домике Роджера, километрах в ста от Уиллоу-Крик. Калли стало немного не по себе. Плохо, что она так радуется отъезду отца. Просто когда они оставались втроем, жизнь становилась куда спокойнее.

По утрам, спускаясь на кухню, они каждый раз не знали, что их ждет. Иногда они заставали отца в хорошем настроении. Тогда он сажал Калли к себе на колени и щекотал ее своей рыжей щетиной, Калли смеялась. В такие дни отец часто целовал маму, варил ей кофе, а Бена после завтрака брал с собой в город. Веселый отец становился очень разговорчивым и обращался к ним с нежностью. Но чаще они видели другую картину: отец сидел за обшарпанным кухонным столом, закрыв лицо руками, а повсюду – в раковине, на полу, на крапчатых ламинированных столешницах – валялись пустые пивные банки. В такие дни Калли проходила мимо кухни на цыпочках, тихо притворяла за собой сетчатую дверь и бежала в лес Уиллоу-Крик, где играла на берегу речки Ивянки или строила шалаш из веток. Время от времени Калли возвращалась на опушку – проверить, на месте ли отцовский грузовик. Если его не оказывалось, Калли возвращалась домой. За то время, пока ее не было, мама успевала выкинуть пустые банки и проветрить дом от кислой, застоявшейся вони. Если грузовик по-прежнему стоял рядом с домом, Калли пряталась в лесу до тех пор, пока ее не выгоняли оттуда голод или дневная жара.

Из кухни не доносилось ни звука. Решив, что отец уехал, Калли принялась спускаться. Особенно осторожно она наступила на четвертую, скрипучую ступеньку. У подножия лестницы стало чуть светлее – сюда доходил свет от лампочки над плитой. Осталось пройти мимо кухни – и она окажется в туалете. На нижней ступеньке Калли приподняла подол ночнушки, чтобы шаги получились пошире. Воровато покосилась в сторону кухни. Никого! Вот она уже рядом с дверью ванной, схватилась за холодную металлическую ручку, повернула...

– Калли! – послышался хриплый шепот. Девочка замерла на месте. – Калли! Поди-ка сюда!

Калли отпустила дверную ручку и повернулась на звук отцовского голоса. На кухне пусто, но сетчатая дверь приоткрыта – она различила в предутреннем сумраке очертания его широких плеч. Отец устроился на низком бетонном крыльчке, над его головой вились и переплетались две дымные струйки – от сигареты и от чашки с кофе.

– А ну-ка, иди сюда, малышка Калли. Ты зачем так рано встала? – беззлобно спросил Гриф. Калли приоткрыла сетчатую дверь, стараясь не задеть отца, с трудом вылезла в образовавшуюся щель и остановилась рядом с ним. – Ты почему не спишь, Калли? Страшный сон

приснился? – Гриф посмотрел на дочь снизу вверх, Калли различила на его лице неподдельную заботу.

Она покачала головой и махнула рукой в сторону ванной. Правда, в туалет ей почему-то сразу расхотелось.

– Что-что? Я тебя не слышу! – Отец ухмыльнулся. – Говори погромче! Ах да, ты ведь не умеешь говорить. – Рот у него презрительно скривился. – Ты у нас руками показываешь, как немая! – Он вскочил и, передразнивая дочь, покрутил в воздухе кистями рук. – Не можешь говорить, как все нормальные дети! Совсем, значит, тупая? – Гриф все больше заводил себя.

Калли опустила голову. На земле валялось с десятка сплюснутых пивных банок. Желание помочиться вернулось с прежней силой. Она подняла голову и посмотрела на мамино окно – занавески не затрепетали, и из-за них не показалось доброе мамино лицо, при виде которого ей сразу становилось легче.

– Говорить не умеешь? Чушь собачья! Раньше-то еще как говорила. Маленькая, бывало, болтала без умолку: «Папуля, папуля...» Особенно когда чего-то от меня хотела. А сейчас выросла и превратилась в дуру безмозглую... А может, ты и не моя вовсе? Глаза у тебя как у помощника шерифа. – Гриф наклонился и посмотрел на девочку в упор. Калли невольно зажмурилась.

По гравиию зашуршали шины, послышался рокот мотора. Роджер! Калли открыла глаза и вздохнула с облегчением. Рядом с ними остановился внедорожник.

– Привет, ребята! Доброе утречко! Как делишки, мисс Калли? – Роджер кивнул Калли, не глядя на нее, и, не дожидаясь ответа, обратился к другу: – Ну что, Гриф, поехали, что ли?

Роджер Хоган и Гриф дружили со школы. Роджер, толстый коротышка с круглым, как мяч, животом, работал начальником цеха на местной скотобойне. Всякий раз, как Гриф возвращался на побывку с аляскинского нефтепровода, Роджер уговаривал его остаться в родном городке насовсем и устроиться к нему на бойню.

– Будем жить припеваючи, как в старые добрые времена, – добавлял он.

– Доброе утро, Родж, – бодро ответил Гриф, не переставая злобно шуриться на дочь. – Придется тебе ехать вперед без меня. Калли приснился страшный сон. Я посижу с ней немножко, пока ей не полегчает, а потом уложу ее спать.

– Да ладно тебе, Гриф! – недовольно буркнул Роджер. – Пусть ее мать укладывает! Мы с тобой уже сколько времени собирались порыбачить!

– Нет, нет. Девочке нужен отец, правда, Калли? Папуля, который всегда рядом, когда малышке страшно. Папуля всегда должен быть рядом и защищать ее, правда, Родж? Калли нужно проводить как можно больше времени со своим любимым папулей, хочет она того или нет. Но ты ведь хочешь, правда, Калли?

Гриф так издевательски говорил «папуля», что Калли, слыша это слово в очередной раз, непроизвольно сжималась. Больше всего ей хотелось убежать в дом и разбудить маму. Пьяный Гриф всегда излучал ненависть. Правда, ее он еще ни разу не ударил. Бену доставалось крепко. Маме тоже. Но Калли отец пальцем не тронул.

– Родж, я закину свои вещи к тебе в багажник. Встретимся попозже, на месте. Чувствую, клев будет отличный. Кстати, по дороге захвачу нам еще пивка. – Гриф кое-как зашвырнул в машину друга зеленый плащ. Потом, гораздо осторожнее, уложил в багажник рыболовные снасти и удочки. – До скорого, Роджер!

– Ладно, значит, там и увидимся. Дорогу-то найдешь?

– Найду, найду, не волнуйся. Обязательно приеду. А ты начинай пораньше. Даю тебе фору. Все равно, как приеду, враз тебя обставлю!

– Ну это мы еще посмотрим, кто кого обставит! – захохотал Роджер и уехал.

Гриф вернулся к Калли. Несмотря на теплынь, девочка стояла, обхватив себя руками.

– Ну, Калли, хочешь повидаться со своим папулей? Помощник шерифа живет совсем рядом – вон там, за лесом. – Отец схватил ее за руку и поволок к лесу. Калли не выдержала. Теплая струя потекла по ноге...

Петра

Опять мне не спится. Ужасно жарко, цепочка прилипает к шее. Я сижу на полу перед электрическим вентилятором, лицо обдувает прохладный воздух. Я очень тихо говорю в вентилятор, а он как будто отвечает мне ворчливым жужжанием:

– Я Петра, принцесса всего мира...

За окном слышится шорох, и я сначала пугаюсь. Хочется разбудить маму с папой. Я ползу по ковру по-пластунски, ковер больно натирает колени. Высовываюсь из окна, и мне кажется, что из темноты на меня смотрит кто-то большой и страшный. Рядом с ним другой силуэт, поменьше. О, я больше не боюсь! Я их узнала! «Погодите! – думаю я. – Я тоже пойду с вами!» Я задумываюсь. Может, все-таки не стоит? Но ведь он взрослый... Мама с папой не рассердятся, если я пойду со взрослым. Надеваю теннисные туфли и тихонько выбираюсь из комнаты. Я только поздороваюсь и сразу вернусь.

Калли

Хотя они с отцом шли уже довольно долго, Калли точно знала, в каком месте леса они находятся. Они подошли к тропе, огибающей Гору Ницего. Среди папоротников и камыша виднелись розоватые головки хелоны, здесь Калли часто видела холеных, красивых лошадей, грациозно несущих по лесу своих владельцев. Ей ужасно хотелось, чтобы какая-нибудь гнедая кобыла или серый в яблоках конь вдруг выскочили на тропу, напугали отца и привели его в чувство. Но сегодня четверг, а в будние дни на опушке рядом с их домом почти никто не катался. У нее оставалась еще одна слабая надежда, что они встретят лесничего, но лесничим приходится объезжать огромную территорию, осматривать туристские тропы, следить за состоянием леса. В общем, вряд ли сейчас кто-то ей поможет... Калли покорно плелась дальше. Правда, до дома помощника шерифа Луиса еще далеко. Хорошо это или плохо? С одной стороны, плохо: отец упорно тащит ее все дальше по каменистым, ухабистым тропинкам, и ее босые ступни все в царапинах. С другой стороны, если они все же доберутся до дома помощника шерифа, отец наверняка затеет скандал, а Луис, как всегда, попробует его утихомирить и позвонит маме. Жена Луиса наверняка будет стоять на пороге за спиной мужа, скрестив руки на груди, и украдкой озираться по сторонам – не наблюдает ли за ними кто из соседей.

Отец выглядел плохо. Лицо у него побелело, как цветок, который называется «волчья стопа канадская», – этот первоцвет мама часто показывала ей, когда они гуляли в лесу, – а рыжая шевелюра отца сделалась похожей на красноватый сок, который появляется, если выдернуть цветок из земли. Время от времени Гриф спотыкался о древесные корни, но все равно крепко держал Калли за руку и все время что-то бормотал себе под нос. Калли не сопротивлялась. Она выжидала удобный случай, чтобы вырваться и убежать домой, к маме.

Они вышли на открытое место, которое называлось Ивовой низиной. На берегу речки Ивянки правильным полумесяцем росли семь плакучих ив. Говорили, что их высадил здесь один французский поселенец, друг Наполеона Бонапарта. Бонапарт якобы и подарил другу ивы – свои любимые деревья.

Мама у Калли не была похожа на других матерей. Она любила лазать со своими детьми по деревьям и, сидя на ветке, рассказывать им об их далеких предках, которые иммигрировали в Соединенные Штаты из Чехословакии в начале девятнадцатого века. Мама брала с собой в лес еду на всех: бутерброды с арахисовым маслом и яблоки. Обычно они спускались к самой Ивянке и переходили ее вброд по скользким, замшелым камням. Потом Антония расстилала под длинными кружевными ветками ивы старое одеяло, и они заползали в тень дерева. Клейкие побеги окутывали их, словно плащом. Ива превращалась в хижину на необитаемом острове. Бен, когда он еще ходил с ними, становился отважным моряком, Калли – его надежным первым помощником. Ну а сама Антония изображала пирата. Пират гонялся за моряками и кричал, подражая английскому выговору:

– Сдавайтесь, сухопутные крысы, не то сброшу вас в море!

– Ни за что! – кричал Бен. – Если хочешь, скорми нас акулам, Барт Прилипала, но мы не сдадимся!

– Ах, так! Тогда готовьтесь к смерти! Сейчас поплывете наперегонки с рыбами! – отвечала Антония, размахивая палкой.

– Калли, беги! – приказывал Бен, и Калли бежала. Ее худые длинные ноги постоянно были в царапинах – она любила лазать по деревьям и заборам. Калли бежала, пока Антония, запыхавшись, не сгибалась пополам.

– Перемирие, перемирие! – просила пощады Антония. Они втроем возвращались в свой «домик» под ивой и отдыхали. Пили газировку, а вспотевшие шеи обдувал прохладный ветерок. Антония часто весело смеялась, запрокинув голову назад и прищурившись, в такие

минуты гусиные лапки в уголках ее глаз исчезали. Смех у Антонии был заразительный, – всем, кто находился с ней рядом, становилось весело. Калли тоже было весело, но она не смеялась. Уже много лет никто не слышал ее звонкого, колокольчатого смеха. Она лишь робко улыбалась, не размыкая губ, понимая, что мама все время ждет, когда же она, наконец, засмеется и заговорит.

Да, Антония была не такая, как другие мамы. По воскресеньям за ужином она позволяла детям есть сладкие кукурузные хлопья, а на завтрак – пиццу. А если весь день без остановки лил дождь, Антония объявляла «день водных процедур» и с французским акцентом приглашала детей в «Салон красоты Тони». Она наполняла старую ванну на гнутых ножках теплой водой с душистой фиалковой пеной, а после купания, растерев Калли досуха огромным белым полотенцем, красила ей ногти на ногах в ярко-красный цвет, а Бену поливала волосы специальным гелем, чтобы они вставали дыбом.

Гриф тоже был не такой, как другие отцы. На завтрак он часто пил пиво, а сейчас ему в пьяном угаре вздумалось потащить семилетнюю дочь в лес, чтобы проверить свои домыслы.

Всходило солнце. Гриф решил передохнуть под ивой.

Мартин

Фильда прижимается ко мне сзади и обнимает меня за талию. К сожалению, я все больше толстею. Сейчас очень жарко, но я не отодвигаюсь. За четырнадцать лет, что мы с Фильдой женаты, мы разлучались всего два раза, и оба раза я едва выдержал. Про второй раз лучше и не вспоминать... А в первый раз мы расстались через девять месяцев после нашей свадьбы, когда я улетел в Чикаго, на конференцию по экономике в Чикагском университете. Помню, как лежал в номере отеля на продавленной кровати под жестким колючим одеялом и тосковал по Фильде. Во сне она всегда небрежно кладет на меня руку, без нее я стал каким-то невесомым. Казалось, дунет ветер – и я улечу далеко-далеко. Проворочавшись всю ночь без сна, я на следующий день досрочно провел все свои семинары и вернулся домой.

Фильда тогда смеялась надо мной за то, что я так скучаю по дому, но я знаю, что в глубине души она обрадовалась. Фильда появилась в моей жизни довольно поздно. Она была совсем юная, восемнадцатилетняя, а мне тогда исполнилось сорок два года и я не думал ни о чем, кроме работы. Я преподаю экономику в частном колледже Святого Килиана в Уиллоу-Крик, в нашем колледже обучаются тысяча двести студентов. Естественно предположить, что Фильда была моей студенткой – многие заранее готовы осудить меня за это. Но студенткой Фильда Моурнинг не была. Она работала официанткой в кафе, которое содержала ее семья. Кафе называлось «Моурнинг Глори». По пути в колледж я каждое утро заходил в «Моурнинг Глори», садился за столик в углу у окна, пил кофе и читал газету. Фильда окружала меня вниманием и заботой. Она приносила мне горячий кофе, разрезанную пополам булочку с маком и масло. Сознаюсь, ее предупредительность я воспринимал как должное и считал, что она обращается одинаково со всеми завсегдатаями. И вдруг однажды ветреным утром, примерно через год после того, как я начал регулярно завтракать в «Моурнинг Глори», Фильда подошла ко мне, со звоном поставила чашку с кофе на стол и подбоченилась.

– Что мне еще сделать, чтобы вы, наконец, обратили на меня внимание? – пронзительно воскликнула она. Кофе расплескался по всему столу. От изумления у меня очки подскочили на лоб.

Не успел я и звука издать в ответ, как она ушла, но вскоре вернулась с булочкой, которую с силой швырнула в меня. Булочка угодила в грудь, потом пришлось долго отряхивать галстук от мака. После своего странного поступка Фильда снова убежала. Потом ко мне медленно подошла ее мать, очень похожая на дочь, только постарше и помягче. Миссис Моурнинг закатила глаза и глубоко вздохнула:

– Пожалуйста, объяснитесь с ней, мистер Грегори. Она уже давно сохнет по вам. Или скажите, что она заблуждается, или сделайте ей предложение. Мне надоело не спать по ночам. Я встал и вышел на крыльцо, к Фильде. Через месяц мы поженились.

Сейчас я лежу в нашей постели, августовское солнце уже начинает припекать. Повернувшись, я в темноте целую Фильду в мягкую щеку. Потом тихо встаю и выхожу из спальни. Останавливаюсь у двери Петры. Она приоткрыта, и я слышу жужжание напольного вентилятора. Неслышно толкаю дверь. Ее девчоночья комната неизменно изумляет и умиляет меня. На полочках ее «коллекции» – аккуратно разобранные по размеру сосновые шишки, желуди, листья, перья, камешки и прочие сокровища, добытые за домом. Мы живем почти на опушке леса Уиллоу-Крик. Перед тем как лечь в постель, Петра всегда укладывает своих любимцев: кукол, плюшевых собачек и мишек. Игрушки любовно укрыты одеяльцами, сшитыми из лоскутов. В ее комнате пахнет лавандовым шампунем, молодой травой и неповторимой свежестью и невинностью. Такой аромат исходит только от маленьких девочек. Всякий раз, когда я переступаю порог ее комнаты, у меня щемит сердце. Глаза постепенно привыкают к темноте, и я

вижу, что Петры в кровати нет. Я не тревожусь: Петре частенько не спится, и она крадучись спускается в гостиную, где смотрит телевизор.

Я тоже спускаюсь вниз и сразу понимаю, что Петра не смотрит телевизор. В доме царит полная тишина, не слышно ни бубнящих голосов, ни смеха за кадром. Быстро обхожу все комнаты, включаю свет в гостиной – Петры нет. Захожу в столовую, на кухню, в ванную, в свой кабинет – Петры нет. Из кухни спускаюсь в подвал – Петры нет и там.

Взбегаю на второй этаж и трясу Фильду.

– Петры нет в постели, – задыхаясь, говорю я.

Фильда вскакивает и торопливо повторяет мой путь. Петры нигде нет. Я выбегаю черным ходом и обхожу дом – раз, и два, и три. Петры нет. Мы с Фильдой встречаемся на кухне и беспомощно смотрим друг на друга. Фильда тихо вскрикивает и звонит в полицию.

Мы быстро одеваемся, чтобы принять помощника шерифа Луиса в приличном виде. Фильда продолжает бродить по комнатам, ища Петру. Заглядывает в шкафы и в чулан под лестницей.

– Может, она пошла к Калли? – спрашивает она.

– В такую рань? – возражаю я. – С чего бы? Может, ей стало жарко, она вышла на улицу освежиться и заигралась... Сядь, у меня от тебя в глазах рябит. В доме ее нет! – добавляю я громче, чем следует. Фильда кривит губы, и я подхожу к ней. – Прости, – шепчу я, хотя от ее беготни у меня действительно рябит в глазах. – Давай лучше сварим кофе. Он сейчас придет.

– Кофе? Кофе?! – пронзительно кричит Фильда и награждает меня негодующим взглядом. – Да, давай сварим кофе, а потом сядем и будем долго гадать, куда делась наша дочь! Исчезла из собственной кровати среди ночи! А может, мне ему и завтрак приготовить? Яичницу пожарить, испечь пышки? Мартин, наша дочь пропала! Пропала! – Ее тирада заканчивается слезами. Я неловко глажу Фильду по спине. Понимаю, я не в состоянии ее утешить.

Звонок. Мы оба идем открывать. Входит помощник шерифа Луис – высокий, поджарый, очень серьезный. У него светлые волосы и голубые глаза. Луис почти вдвое моложе меня; по возрасту он ближе к Фильде. Мы ведем его в гостиную, усаживаем на диван.

– Когда вы в последний раз видели Петру? – спрашивает помощник шерифа. Я беру Фильду за руку и рассказываю все, что нам известно.

АНТОНИЯ

Из сна меня вырывает негромкий рокот – сначала мне кажется, что вдали грохочет гром, и я улыбаюсь, не открывая глаз. Гроза, крупные, холодные капли дождя! Надо разбудить Калли и Бена.

Они оба любят бродить под дождем, который – пусть и ненадолго – заставляет забыть о засушливом, жарком лете. Еще не проснувшись до конца, я хлопаю по другой половине постели, где обычно спит Гриф. Его часть простыни прохладнее, чем моя. Сегодня четверг, он уехал на рыбалку. Гриф уехал на рыбалку с Роджером. Значит, я слышала не гром, а рокот мотора? Я перекатываюсь на половину Грифа, наслаждаюсь прохладой и пытаюсь снова уснуть, но кто-то упорно колотит в парадную дверь, вернее, даже не колотит, а барабанит так, что стены дрожат. Разозлившись, я сажусь и спускаю ноги на пол. Помилуйте, сейчас всего шесть утра! Натягиваю шорты, которые вчера вечером бросила на пол, пробегаю пальцами по взъерошенным волосам и выхожу на площадку. Дверь в комнату Бена, как всегда, плотно закрыта. Комната Бена – его крепость, я стараюсь не заходить туда без нужды. Бен допускает к себе только школьных друзей и Калли, сестренку. Мне это удивительно. Я выросла в семье с четырьмя братьями, но в их владения могла проникнуть только хитростью или силой.

Всю жизнь меня окружали мужчины: братья, отец, Луис и, конечно, Гриф. В школе я тоже дружила почти исключительно с мальчишками. Мама умерла, когда мне было семнадцать, но даже при жизни она находилась где-то на периферии моего мира. Жаль, я почти не обращала внимания на то, как мама держалась и одевалась. В памяти сохранились отдельные нечеткие картинки. Мама никогда не носила брюк, а только длинные юбки. Она часто сидела, закинув ногу на ногу. Каштановые волосы она элегантно укладывала на затылке. Маме никак не удавалось научить меня одеваться со вкусом, краситься и сидеть, как подобает настоящей леди. Зато она запрещала мне стричься. В знак протеста я собирала волосы в примитивный конский хвост, а сверху нахлобучивала бейсболку. Теперь я жалею, что не переняла у мамы манеры тщательно красить губы и чуть-чуть прыскать духами на запястья. Помню, как она склонялась к отцу, что-то шептала ему на ухо, и он улыбался. Ей удавалось успокоить мужа, лишь положив холеную руку ему на плечо. Мама всегда оставалась для меня загадкой – как и моя молчаливая дочка. Калли обожает расчесывать волосы после купания – она подолгу любит себя своими ноготками, которые я довольно неумело ей крашу. Растить дочку – все равно что получить во владение карту острова сокровищ, от которой оторваны важные куски. Бывало, я сидела и внимательно наблюдала за Калли, любуясь ее движениями, ее жестами. Когда она еще говорила, она хотя бы давала понять, чего она хочет или что ей нужно, а сейчас я только гадаю, ошибаюсь и надеюсь на лучшее. Я стараюсь жить так, словно с моей Калли ничего не происходит, словно она – обычная семилетняя девочка, которую не обсуждают на школьных педсоветах. Стараюсь не обращать внимания на то, как переглядываются соседи. Наверняка шепчутся за моей спиной, что у Кларков девочка «со странностями».

Мне хочется заглянуть к Калли, но кто-то по-прежнему настойчиво колотит в нашу тяжелую дубовую дверь, поэтому я спешу вниз. Старые, покоробленные половицы скрипят под моими босыми ногами. Я открываю и вижу Луиса и Мартина Грегори, отца Петры. В последний раз Луис был у меня дома три года назад. Правда, тогда я его почти не запомнила, потому что упала с лестницы и лежала в полубессознательном состоянии.

– Здравсте, – неуверенно говорю я. – Что стряслось?

– Тони, Петра не у вас? – спрашивает Луис.

– Нет, – отвечаю я и кошусь на Мартина. На секунду лицо у него вытягивается, но он тут же вскидывает вверх подбородок.

– А можно мне поговорить с Калли? Вдруг они с Петрой... – Мартин колеблется. – Мы нигде не можем найти Петру, вот и подумали: может, Калли знает, где она?

– Да, конечно! Входите, пожалуйста! – Я веду их в гостиную. Замечаю на журнальном столике пивные банки, поспешно хватаю их, бегу на кухню и выбрасываю в мусорное ведро.

– Сейчас разбужу Калли. – Я бегу наверх, перескакивая через две ступеньки. Мне очень жалко Мартина и Фильду. Я зову: – Калли, Калли, просыпайся, детка, мне нужно с тобой поговорить! – Взбежав на второй этаж, вижу Бена. Он стоит на пороге своей комнаты. Он без рубашки, я замечаю, что его рыжие волосы не мешает подстричь. – Доброе утро, Бенни. Петра потерялась. – Я подбегаю к спальне Калли и распахиваю дверь. Постель смята, на полу валяется игрушечная обезьянка. Обезьянка смотрит на меня и улыбается. Озадаченная, я застываю на месте, но тут же разворачиваюсь кругом. – Бен, где Калли?

Он пожимает плечами и уходит к себе. Я быстро осматриваю спальню для гостей, мою спальню, комнату Бена. Спешу вниз.

– Ее тоже нет!

Я пробегаю мимо Луиса и Мартина, по скрипучим ступенькам спускаюсь в подвал, включаю свет. В подвале прохладно и сыро. Все опутано паутиной, во всех углах коробки. У стены стоит старая морозилка. Невольно прижимаю руку к сердцу. Наверное, все слышали страшилки про то, как дети играли в прятки, залезли в старый холодильник, а потом не сумели выбраться оттуда... Время от времени я вспоминаю об этом и велю Грифу выкинуть старье. Но до сих пор мы так и не удосужились выбросить морозилку. Я быстро откидываю крышку. В нос бьет запах плесени... Пусто! Отдышавшись, я возвращаюсь на кухню. Луис и Мартин выжидательно смотрят на меня. Я молча распахиваю дверь черного хода. Оглядываю наш просторный задний двор, бегу на опушку леса, вглядываюсь в тени под деревьями. Задыхаясь, бегу назад, домой. Луис и Мартин ждут меня за сетчатой дверью.

– Ее нет.

Луис внешне невозмутим, Мартин очень встревожен.

– Скорее всего, они вместе где-то играют. Ты не знаешь, где они могут быть? – спрашивает Луис.

– В парке? А может, в школе... Но сейчас еще очень рано... Часов шесть, наверное, да? – Я теряюсь в догадках.

– Петры не было дома уже в половине пятого, – сухо заявляет Мартин. – Куда они могли деться в такую рань?

– Понятия не имею... Ничего не понимаю! – отвечаю я.

Луис хочет осмотреть дом. Я хожу за ним по пятам. Он знает, где искать: заглядывает в шкафы и под кровати, но никого не находит.

– Я разослал приметы Петры патрульным. Они уже ищут ее по всему городку, – говорит Луис. – Пока не похоже, что девочек... – Он умолкает, а потом продолжает: – Что с девочками что-то случилось. Вы пока поищите их там, где они обычно играют.

Мартин неуверенно кивает, и я тоже.

– Тони, я видел грузовик Грифа. Он дома? Может, он в курсе, где Калли и Петра?

Луис, как всегда, очень деликатен. На самом деле его интересует, в состоянии ли Гриф членораздельно говорить и соображать или он совсем отключился после ночного запоя.

– Грифа нет дома, он поехал на рыбалку с Роджером. Они договаривались отправиться где-то в полчетвертого утра.

– А не мог он взять девочек с собой на рыбалку? – с надеждой спрашивает Мартин.

– Нет, что вы! – Я смеюсь. – Взять с собой на рыбалку двух маленьких девочек Грифу и в голову не придет. До субботы его можно не ждать. Я уверена, что девочки не с ним.

– Не знаю, Тони. Может, он все же решил взять девочек... Он записки не оставил?

– Нет, Луис. Уверена, он ни за что не взял бы их с собой. – Его упорство начинает меня раздражать.

– Тогда ладно, – говорит Луис. – В час дня встретимся снова. Если к тому времени девочки не найдутся, будем думать.

Сверху слышится шорох. Обернувшись, я замечаю, что Бен вышел из комнаты и сидит на лестнице. В полумраке его легко принять за Грифа: Бен такой же рыжий и широкоплечий. Только глаза у него другие – мягкие, спокойные.

– Бен, – говорю я, – Калли и Петра куда-то делись, и мы не можем их найти. Как, по-твоему, где они?

– В лесу, – тут же отвечает Бен. – Сейчас развезу газеты и пойду их искать.

– Велю нашим обыскать лес возле опушки, – говорит Луис. – Увидимся в час дня.

Бен

Сегодня я проснулся, как от толчка. Сердце колотилось как бешеное. Мне снова снился тот дурацкий сон. Мы с тобой лезем на старый орех, который растет у Моста Одинокого Дерева. Я, как всегда, поднимаю тебя повыше, и ты тянешься к нижней ветке, хватаешься за нее так крепко, что твои пальцы с обгрызенными ногтями белеют. Я в сердцах тороплю тебя, потому что у меня нет времени. Вот ты уже наверху, и я смотрю на тебя с земли. Теперь тебе легче подниматься – ветви растут плотно, они толстые и прочные. Ты лезешь все выше и выше, сначала у меня над головой мелькают твои костлявые коленки, потом я вижу подошвы твоих теннисных туфель. Я кричу: «Калли, ты залезла слишком высоко, спускайся! Ты упадешь!» Но ты исчезаешь. Я больше тебя не вижу. И думаю: вот влип! Вдруг сверху доносится твой голосок: «Бен, поднимайся сюда! Ты должен это увидеть! Скорее, Бен, скорее!»

Я знаю, что это ты кричишь, хотя давным-давно забыл, как звучит твой голос. Ты все зовешь и зовешь меня, но мне никак не удастся залезть на дерево. Я подпрыгиваю, но не могу ухватиться за нижнюю ветку, потому что она слишком высоко. Я отвечаю: «Подожди меня! Подожди меня! Что ты там видишь, Калли?»

Потом я проснулся весь в поту. Но не жарком, а холодном, от которого болит голова и внутри все сжимается. Я попробовал снова заснуть, но не смог.

Оказывается, ты куда-то запропастилась. Почему-то я чувствую себя виноватым, как будто ты ушла из дому из-за меня. Ты неплохая сестренка, но с тобой много хлопот. За тобой глаз да глаз. Помнишь, когда мне было десять лет, а тебе пять, мама требовала, чтобы я шел на остановку школьного автобуса вместе с тобой? Она велела мне: «Бен, заботься о Калли». Я обещал, а сам не заботился – то есть не присматривал за тобой как следует, во всяком случае вначале.

В тот год я перешел в пятый класс и считал себя слишком крутым, чтобы возиться с малявкой, которая только поступила в нулевку. Понимая, что мама смотрит нам вслед из окна кухни, до конца аллеи я вел тебя за руку. Но едва повернув за угол, я тут же отпустил тебя и во всю прыть понесся к тому месту, куда подъезжал школьный автобус. Время от времени я, правда, оборачивался и проверял, где ты там. Надо отдать тебе должное – ты бежала, резво перебирая тонкими ножками, новенький розовый рюкзачок бил тебя по спине. Тебе никак не удавалось догнать меня. Потом ты споткнулась о большую старую трещину в водосточном желобе у дома Олсонов и со всего маху полетела на землю.

Я чуть не вернулся за тобой – уже совсем было собрался вернуться, но увидел Реймонда и передумал. Когда ты, наконец, доковыляла до остановки, из-за угла уже показался автобус. Ты рассадилась коленку до крови, красивая красная ленточка, которой мама повязала тебе волосы, развязалась и болталась где-то сбоку. Чтобы встать рядом со мной, тебе пришлось обойти всех детей в очереди. Я притворился, будто вовсе не замечаю тебя. В автобусе я сел рядом с Реймондом, а ты долго стояла рядом с нами в проходе. Тебе хотелось, чтобы я подвинулся, но я нарочно повернулся к тебе спиной и заговорил с Реймондом. Дети, которые садились в автобус следом за тобой, закричали: «Давай скорее!» и «Садись!» – и ты, наконец, села напротив нас с Реймондом. Тебя задвинули к окну, твои короткие ножки не доставали до пола, разбитое колено было все в крови... В тот день ты до самого вечера ни разу не взглянула на меня. После ужина я предложил рассказать тебе сказку на ночь, но ты пожала плечами и вышла из кухни. Я остался за столом один.

Знаю, в тот день я поступил мерзко, но мальчишке, который в первый раз идет в пятый класс, очень важно произвести на одноклассников хорошее впечатление. Потом я старался заглазить свою вину. Может, ты не догадываешься, но именно я в ту ночь сунул тебе под подушку пакетик с карамельками. Извини, что не присматривал за тобой как следует в первые

дни, когда ты пошла в школу. Но ты, наверное, и сама знаешь, как иногда бывает. Понимаешь, что виноват, а извиниться ну никак не можешь. Понимаешь, что должен попросить прощения, и не можешь. Не можешь, и все.

Калли

Гриф сидел, прислонившись спиной к старой иве. Голову он уронил на грудь, глаза закрыл, но руку Калли по-прежнему не выпускал. Калли ерзала на месте – сидеть на твердой, неровной земле под ивой было неудобно. Она почувствовала, что от нее плохо пахнет, и ей стало ужасно стыдно. Может, рвануться и убежать? Калли бегала быстро и знала в лесу каждую тропинку, каждый поворот: если только удастся вырваться, она без труда убежит от отца. Калли нерешительно дернулась, но отец держал ее мертвой хваткой. Даже во сне он не расслабился, а, наоборот, крепче стиснул ее. Калли понурила плечи и тоже прислонилась спиной к стволу дерева.

Она часто представляла, что заблудилась в лесу, осталась одна, и ей нечего есть. Ее брат называл это «закалкой». Бен знал о лесе Уиллоу-Крик все. Он рассказал ей, что лес занимает площадь около шестидесяти квадратных километров и раскинулся на целых два округа. Еще Бен говорил, что их края сложены осадочными породами палеозойского возраста – известняками и песчаниками. Эта часть Айовы не подвергалась оледенению. Кроме того, Бен показывал ей места, где можно найти красноплечего канюка, который находится под угрозой исчезновения. Даже лесничий Фелпс ни разу не видел редкую птицу. Калли пробыла в лесу несколько часов и очень устала. Раньше лес всегда был для нее тихой гаванью. Она часами бродила по тропинкам, мечтала, совершала открытия. Они с Беном часто играли в Ивовой низине, раскидывали там лагерь. Бен захватывал с собой термос с водой, а Калли – перекус: пакетики с солеными чипсами и толстые лакричные конфеты. Бен собирал веточки и хворост, складывал их «шалашом» и обкладывал по кругу камнями. Правда, огня они не зажигали, но Калли нравился даже такой костер, понарошку. Они насаживали зефирины на зеленые прутьики и жарили их над огнем. Бен подбирал с земли толстые ветки и пытался складным ножиком выстругать из них что-нибудь полезное. Однажды он вырезал две ложки и вилку, а на второй вилке лезвие ножика сломалось, и Бен сильно порезался. Ему наложили шесть швов. После того случая мама отобрала у него нож, обещав вернуть через несколько лет. Бен очень неохотно расстался со своим сокровищем. Потом они больше не делали ложки и вилки из веток, а таскали посуду и кухонную утварь из дому. Бен сколотил из старых досок шкафчик и прибил его к стволу самой большой ивы. Там они хранили свои запасы. Как-то раз спрятали там коробку с галетами и пачку сдобного печенья. Через несколько дней они пришли в Ивовую низину и увидели, что кто-то успел похозяйничать в их тайнике. Скорее всего, печенье съел енот. Правда, Бен уверял Калли, что к ним мог наведаться даже медведь. Калли не очень-то поверила брату, но все же иногда вспоминала: вдруг где-то рядом бродит медведица и кормит своих медвежат печеньем с шоколадными крошками и галетами.

Интересно, заметила ли мама, что ее нет дома. Волнуется ли она? У Калли забурчало в животе, и она поспешно надавила на него ладошкой. Их тайник совсем рядом, рукой подать... Может быть, там осталось что-нибудь съедобное?

Гриф посопел носом, открыл глаза и уставился на Калли.

– От тебя воняет, – злобно сказал он, не чувствуя, что от самого несет перегаром, потом и луком. – Вставай, пошли! Устроим семейную встречу. Куда дальше-то?

Калли задумалась. Можно соврать, завести отца поглубже в лес, улучшить минутку, вырваться и убежать. Или лучше показать ему верную дорогу – тогда пытка скорее закончится... Да, наверное, так будет лучше. Калли очень устала, проголодалась, и ей хотелось домой. Тонким грязным пальчиком она ткнула себе за плечо, на тропу, по которой они сюда пришли.

– Вставай давай! – приказал Гриф.

Калли с трудом поднялась на ноги. Гриф на время выпустил ее, и девочка принялась разминать онемевшие пальцы. По тропе пошли гуськом: впереди Калли, за ней Гриф, положив руку ей на плечо. Калли слегка горбилась под тяжестью его мощной лапищи. Скоро они вышли из Ивовой низины, пройдя еще шагов сто, повернули на узкую, извилистую тропу, которую называли Широколистной. Калли давно научилась определять, побывал ли кто-то на тропе до нее. С обеих сторон к тропе подступали деревья. Пауки, сидящие на нижних ветках, по ночам успевали сплести паутинные сети. Если солнце светило ярко, Калли отлично видела тонкие нити, невесомый, хрупкий барьер, который словно шепотом предупреждал: «Проход закрыт». Она всегда обходила хрупкий паутинный барьер, стараясь не порвать тонкие нити. Если на ветру болтались обрывки паутины, Калли знала: здесь уже кто-то побывал. Заметив на земле чужие следы, она разворачивалась и шла к другой тропе. Калли нравилось думать, что она одна в лесу и кругом совсем никого нет, а суслик в белую крапинку, что присел отдохнуть на трухлявом пеньке, впервые в жизни видит человеческое существо, девочку с грустными глазами. Девочка в лесу тоже не совсем дома, но она не потревожит покой лесных зверьков. Калли осторожно обошла красный клен – паутина закачалась на ветру, но вскоре успокоилась.

Справа послышался шорох. Калли и Гриф остановились. Мимо них пробежал крупный золотисто-рыжий пес: он трусил, опустив голову к земле и принохиваясь. Подбежав к ним, пес вывалил язык и понюхал их ноги. Калли потянулась погладить пса, но он быстро убежал вперед. За ним по земле волочился длинный красный поводок.

– Чтоб ему провалиться! – воскликнул Гриф, хватаясь за грудь. – До смерти напугал, псина проклятая! Пошли...

Раньше во время своих экспедиций Калли боялась только одной лесной обитательницы – вороны цвета сажи с гладкими, маслянистыми перьями. Ворона вспархивала на искривленные клены, и ее хриплое карканье перекрывало приглушенные лесные шумы и шорохи. Калли живо представляла, как целая стая черных птиц с умными и холодными, похожими на бусинки, глазами пикирует на нее откуда-нибудь из засады. Ей было не по себе; казалось, птицы следят за ней и оценивают ее силы. Вороны как будто провожали ее, шумно перекликаясь и хлопая крыльями. Калли подняла голову, но никаких ворон не увидела, зато заметила одинокого сероперого поползня, который бегал по стволу дерева, ища насекомых.

– Мы в ту сторону идем? – Гриф остановился и внимательно огляделся по сторонам. Говорил он четче, чем раньше, язык уже не заплетался.

Калли кивнула. Они прошагали еще минут десять, а потом свернули с Широколистной тропы в густые заросли орешника. Калли внимательно смотрела себе под ноги – нет ли ядовитого плюща. Ничего не увидев, она засемила в гору, вздрагивая на каждом шагу. Заросли неожиданно расступились, и впереди показался дом помощника шерифа Луиса. Задний двор зарос высокой травой, еще влажной от росы, у маленьких качелей валялись бейсбольные биты, рукавицы и другие игрушки. На подъездной дорожке рядом с коричневым одноэтажным домом стояла зеленая машина-универсал. Везде царила полная тишина, только над клумбой маргариток деловито жужжали пчелы. Казалось, дом дремлет на утреннем солнышке.

Гриф слегка растерялся, он как будто не знал, что делать дальше. Руки, лежащие на плечах Калли, слегка дрожали – она чувствовала эту дрожь сквозь тонкую ночнушку.

– Обещал же я отвести тебя к твоему папуле. Подумать только, ты могла бы жить вот в таком красивом доме! – Гриф хрипло хохотнул и потер налитые кровью глаза. – Зайдем, что ли, поздороваемся? – Его ярость понемногу улетучивалась.

Калли с несчастным видом покачала головой.

– Пошли, у меня голова раскалывается! – Он снова схватил Калли за плечо, но вдруг остановился – хлопнула сетчатая дверь, и на крыльцо вышла босая женщина в шортах и футболке. К уху она прижимала трубку радиотелефона. До них донесся ее высокий, пронзительный голос:

– Ради нее ты носом землю рыть готов! Как же, ее драгоценная доченька пропала!

Гриф застыл на месте, Калли шагнула вперед, чтобы лучше слышать, но Гриф дернул ее назад. Калли узнала жену Луиса, Кристину.

– Мне плевать, что пропали две девочки! Для тебя главное, что ее дочка потерялась! – ожесточенно выкрикнула Кристина. – Стоит Антонии позвонить, и ты тут же несешься к ней, забыв обо мне... о нас! – Кристина помолчала, слушая ответ. – Луис, мне все равно. Делай что должен, только не жди, что я буду прыгать от радости! – Кристина оторвала трубку от уха, в сердцах нажала кнопку отбоя и замахнулась, как будто собиралась швырнуть телефон в кусты. В последний миг она опомнилась, чертыхнулась и сунула трубку в карман. Перед тем как войти в дом, она еще раз громко чертыхнулась и сорвала злость на сетчатой двери, хлопнув ею что есть сил.

– Фу-у-у! – выдохнул Гриф и посмотрел на Калли. – Выходит, ты у нас пропала? Интересно, кто тебя утащил? – Он неприятно хохотнул. – О-о-о, я огромный и страшный похититель! Ну и дела... Пошли домой, а то твоя мать нам устроит...

Калли покорно побрела назад в лес. Под деревьями сразу стало прохладнее. Мама знает, что она пропала, но ей, скорее всего, неизвестно, что в лес ее увел отец. Интересно, кто вторая пропавшая девочка? Калли с трудом сдерживала слезы. Ей очень хотелось поскорее вернуться к маме, снять мокрую, грязную рубашку, умыться, переодеться в чистое и сухое, перевязать кровоточащие ноги, заползти в кровать и с головой накрыться одеялом.

Мартин

Я побывал везде, куда любит ходить Петра: в библиотеке, в школе, в кондитерской, у Керстин, у Райана, у бассейна и здесь, в Восточном парке. Теперь я брожу среди качелей, каруселей, лесенок для лазанья, горок и гимнастических снарядов. Еще рано, в парке никого нет. Я даже влез на черный паровоз, который парку подарила железная дорога. Поразительное легкомыслие! Неужели железнодорожное начальство считает такую махину безопасной для детей игрушкой? Разумеется, все опасные детали сняли, стекло заменили пластмассой, обточили острые углы. И все же огромная махина производит сильное впечатление. Только такую штуковину и ставить на игровую площадку к малышам, не ведающим страха! Им кажется, что они вот-вот полетят – только разрешите. Я много раз наблюдал, как дети лазают по многочисленным лесенкам и играют на площадках и на крыше паровоза. Больше всего им нравится играть в «ограбление поезда». Игра очень сложная, в ней целая куча правил, которые часто придумываются и меняются прямо по ходу игры. Часто мальчишки и девчонки прыгают с самой высокой точки на крыше паровоза и с глухим стуком шлепаются на землю. После таких прыжков недолго и кости переломать! Я неизменно пугаюсь, но храбрые малыши как ни в чем не бывало вскакивают на ноги и отряхивают попки, к которым налипла грязь.

Сейчас я тоже поднимаюсь на крышу старого паровоза и оттуда, с самой верхней точки, оглядываю весь парк. В первую минуту дух захватывает от радости. Я на самом верху! У меня кружится голова. Я нерешительно озираюсь по сторонам, высматривая Петру и Калли. Их нигде не видно. Медленно сажусь, разбросав ноги в стороны. Руки у меня все в саже. Она настолько въелась в паровоз, что ее не отмыть уже никогда. Я разглядываю свои руки и думаю о Петре.

В ту ночь, когда родилась Петра, я остался в больнице с Фильдой. Я не отходил от нее ни на шаг. Спал в кресле, которое придвинул к ее больничной кровати. Роскошь родильного отделения меня поразила: неброские обои, лампы и торшеры с реостатами, гидромассажная ванна. Я радовался, что Фильда рождает в таком хорошем месте, что за ней ухаживает добрая медсестра, которая время от времени кладет Фильде руку на лоб, тихо утешает или подбадривает ее.

Я родился в Миссури, мои родители держали свиноферму. Там же, в доме на ферме, появились на свет семеро моих младших братьев и сестер, так что к крикам роженицы мне не привыкать. И все же, когда Фильда вдруг закричала, меня от страха замутило. Пришлось ненадолго выйти из больничной палаты. В детстве я привык к тому, что мама, даже на сносях, трудится по дому так же усердно, как и всегда. Когда начинались схватки, она вставала у рабочего стала и держалась за него руками. Потом ее гордое, суровое лицо перекашивалось от боли, и я пугался. Наконец мама послала меня на соседнюю ферму, где жили ее мать и сестра – они помогли маме разрешиться от бремени. Я несся к дому тетки и бабушки, радуясь, что можно хотя бы ненадолго отделаться от тревожного чувства, воцарявшегося в такие дни в нашем всегда мирном доме, где господствовал порядок.

Летом я бегал босиком – ступни у меня грубели, и я не чувствовал ни камней, ни грязи. Мне больше нравилось ходить в ботинках, но мама позволяла мне надевать их только по воскресеньям и в школу. Я ужасно стеснялся своих босых ног и грязи под ногтями и потому завел привычку стоять на одной ноге, поджав пальцы. Мне казалось, что так грязь меньше бросается в глаза. Бабушка, бывало, смеялась надо мной и дразнила «аистом». Тетка тоже высмеивала мое чистоплюйство, даже когда я прибежал звать их на помощь. От ее добродушного грудного смеха мне становилось легче. Мы садились в бабушкин ржавый фордик и ехали к нам на ферму. По пути мы проезжали мимо свинарника, отец выходил оттуда, махал нам рукой и широко улыбался. Он знал, что скоро у него родится сын или дочь.

Хотя я рос на ферме, свиноводство меня не привлекало. Я любил читать и считать. Отец, добрый, простой человек, бывало, только головой качал, когда я отказывался помогать ему при опоросе. Конечно, у меня имелись свои обязанности по хозяйству. Я должен был чистить загоны и разливать по кормушкам поило. Самыми тяжелыми были для меня дни забоя. Мне не хотелось даже смотреть, как режут свиней. Убийство любого живого существа претило моей природе, хотя свинину я ел без всяких угрызений совести. В день забоя я просто-напросто сбегал из дому. Доставал из чулана ботинки, туго завязывал шнурки, отряхивался от грязи и шел в ближайший от нас городок – почти пять километров. Подойдя к окраине городка, я плевал на пальцы и, наклонившись, счищал с ботинок дорожную пыль. Входя в библиотеку, я всегда проверял, на месте ли мой читательский билет, потрепанный и потертый на сгибах от частого использования. Потом я несколько часов подряд читал книги по нумизматике и истории. Библиотекарша знала меня по имени и часто откладывала для меня книги, которые, по ее мнению, могли мне понравиться.

– Если не успеешь прочесть за две недели, ничего страшного. – Она заговорщически улыбалась и протягивала мне холщовую сумку, туго набитую книгами. Она знала, как мне трудно выбирать в городок каждые две недели, но я все-таки довольно часто ухитрялся навещать библиотеку.

К вечеру, зная, что все уже закончилось, я возвращался домой. Отец ждал меня на парадном крыльце, он разминал между пальцами сигарету и прихлебывал холодный чай, приготовленный мамой. Медленно подходя к дому, я всякий раз дивился тому, какой отец огромный. Отец был настоящим великаном – высоким и широким в обхвате. Когда он застегивал рубашку, пуговицы едва-едва сходились на животе. Те, кто не знал моего отца, невольно ежились при виде его огромной фигуры, но, познакомившись с ним, быстро меняли мнение о нем. Отец был очень мягким человеком. Не припомню ни разу, чтобы он повысил голос на мать или на моих братьев и сестер.

Однажды – мне было двенадцать лет – я улизнул в библиотеку, не вычистив загоны и не накормив свиней. Когда я вернулся, отец стоял, прислонившись к деревянной ограде свинарника, и поджидал меня. Его обычно безмятежное лицо было перекошено от гнева, он пристально смотрел на меня, скрестив руки на широкой груди. Мне тут же захотелось бросить книги и убежать. Но я этого не сделал. Я подошел к тому месту, где стоял отец, и уставился на свои парадные ботинки, запачканные пылью и грязью.

– Мартин, – сказал отец новым для меня мрачным тоном. – Мартин, посмотри на меня!

Я поднял голову, заглянул ему в глаза и понял, как сильно он во мне разочарован. После забоя от него сильно пахло кровью.

– Мартин, мы – одна семья. Так уж вышло, что мы разводим свиней. Я знаю, ты этого стыдишься...

Я быстро покачал головой. Стыдился я вовсе не свиней, но не знал, как убедить в этом отца. Он продолжал:

– Я знаю, тебе противно выгребать навоз. И меня ты стесняешься, потому что я не такой способный к учебе, как ты. Я простой фермер-свиновод – уж какой есть. Ты, кстати, тоже. По крайней мере, сейчас. Я не могу прочесть твои толстые умные книжки и не понимаю длинные слова, которые ты выговариваешь без запинки. Зато я работаю от зари до зари, и у нас на столе есть еда, а у тебя на ногах – ботинки. Но чтобы мы не умерли с голоду и не ходили голые, мы должны работать сообща. Ты старший, ты должен помогать. Подумай, Мартин, что ты можешь сделать для семьи, и скажи мне. Делай что тебе нравится, но вноси свой вклад. А еще – ты не имеешь права сбегать в город, не выполнив свои обязанности. Понял?

Я кивнул, и лицо у меня покраснело от стыда.

– Пораскинь мозгами, Мартин. Подумай, а утром скажешь, каким будет твой вклад. – Отец отвернулся и пошел прочь, низко опустив голову и сложив руки за спиной.

В ту ночь я почти не спал. Все старался придумать, чем помочь семье. Присматривать за младшими братьями и сестрами мне не хотелось, в строительстве и ремонте я не был силен. Чем же я люблю заниматься? Я люблю читать и считать. Надо использовать мои сильные стороны! Я думал до самого утра и встал раньше отца. Когда он вышел из спальни, я уже ждал его за кухонным столом.

– Папа, кажется, я придумал, какой могу внести вклад, – застенчиво сказал я, и отец наградил меня знакомой кривой улыбкой.

– Я в тебе не сомневался, Мартин, – ответил он, присаживаясь ко мне.

Тогда я выложил перед ним все тетради, в которых он вел подсчеты. Мне не хотелось его обижать, и я деликатно намекнул, что наши счета ведутся неаккуратно и от случая к случаю. Я вызвался поправить дело. Обещал придумать, на чем можно сэкономить, и устроить так, чтобы наша ферма приносила прибыль. Мое предложение очень обрадовало отца. До сих пор благодарен ему за то, что он поверил в меня. Миллионерами мы, конечно, не стали, но все же наши дела пошли на лад. Мы купили новую мебель и провели в дом телефон, вскоре все дети круглый год могли себе позволить носить обувь, хотя летом ходил в ботинках только я. Как-то раз зимой, перед отцовским днем рождения, я поехал на нашем грузовичке в ближайший городок, где имелся единственный универсальный магазин. Там торговали всем подряд – от продуктов до бытовой техники. Два с половиной часа я, шестнадцатилетний парень, выбирал телевизор. В продаже тогда имелось всего две модели, но я долго сравнивал их, прикидывая достоинства и недостатки. Наконец я остановился на телеприемнике с диагональю экрана тридцать сантиметров и комнатной антенной. Телевизор я вез рядом с собой, в кабине, бережно обернув одеялом, чтобы дорогая покупка не разбилась на ухабах.

Когда отец в тот вечер задал свиньям корм и вернулся в дом, мы все столпились в гостиной, загородив собой подарок.

– Что здесь происходит? – удивился отец. Мы редко собирались вместе – разве что за общим столом во время ужина.

Мама запела «С днем рожденья тебя!», мы все подхватили. Потом мы расступились, и он увидел крошечный телевизор, стоящий на старой книжной полке.

– Что там такое? – недоверчиво спросил отец. – Что вы еще удумали?

Все улыбались, а моя младшая сестричка Логги, которой тогда было семь лет, закричала:

– Включи его, папочка, скорее включи!

Отец подошел к телевизору и повернул тумблер в положение «Вкл.». Через секунду на черно-белом экране заплясали полуголые танцовщицы. Мы все смеялись от удовольствия и обступили телевизор, чтобы было лучше слышно. Отец долго настраивал громкость, наконец все остались довольны и качеством звука, и изображения. Позже отец отвел меня в сторону, положил мне руку на затылок и заглянул в глаза. В том году я почти догнал его по росту.

– Мальчик мой, – прошептал он, и более нежных слов я не слышал за всю жизнь, до того, как Петра пролепетала «па-па».

Когда я впервые взял Петру на руки, я испытал ощущение чуда. Много лет я упорно выдавливал из себя мальчика со свинофермы, избавлялся от простонародного выговора, стремился казаться культурным, интеллигентным человеком, в котором никто не заподозрит сына необразованного свиновода. В тот миг, когда я взял Петру на руки, она показалась мне совершенством: длинные темные ресницы, темные волосы на макушке вытянутой головы, мягкие складочки кожи на шейке... Она пошевелилась, почмокала крошечными губками, и я растаял. Чудо, настоящее чудо!

Сидя на крыше паровоза, я закрываю лицо грязными руками. Я не могу найти ее... Что скажет Фильда, если я вернусь домой без дочери? Меня снова душит стыд. Я снова уклонился от своих обязанностей, на сей раз отцовских обязанностей... Живо представляю себе папино лицо, на котором написано разочарование.

Помощник шерифа Луис

По дороге к дому Грегори я звоню нашему шерифу, Гарольду Моттсу. Я обязан держать его в курсе дела. Говорю, что у меня дурное предчувствие: по-моему, девочки не просто ушли поиграть и заблудились.

– Какие у тебя доказательства? – спрашивает Моттс.

Приходится признаться, что доказательств нет. Во всяком случае, ничего существенного. Никаких следов взлома или борьбы в комнатах обеих девочек. Но мое чутье подсказывает, что дело нечисто. Моттс мне доверяет. Мы с ним давно знаем друг друга.

– Луис, по-твоему, это ПНД? – спрашивает он.

ПНД на нашем сленге обозначает – «предполагаемые насильственные действия». Если делу присваивается гриф ПНД, все сразу начинают суетиться. Приезжают представители полиции штата и уголовный розыск, собираются репортеры и начинается шумиха.

Я тщательно подбираю слова:

– Что-то здесь не так. Мне будет спокойнее, если мы поставим в известность власти штата. И потом, после того, как мы их известим, ответственность ляжет на них, ведь так? Нашему управлению не по силам, да и не по карману вести полномасштабные поиски и расследование самостоятельно.

К моему облегчению, Моттс говорит:

– Я сейчас же позвоню в уголовный розыск. Опергруппу вызывать?

– Пока нет. Если повезет, те ребята вообще не понадобятся, но мало ли что... Я пока еще раз осмотрю два дома, откуда пропали девочки. По-моему, имеет смысл обзвонить резервистов.

Я рад, что теперь Моттсу, а не мне придется будить резервистов и тех сотрудников, которые отдыхают после смены, выдергивать их из домов, отрывать от дел. В Уиллоу-Крик живет около восьми тысяч человек, хотя каждую осень благодаря студентам колледжа население увеличивается примерно на тысячу двести человек. Наше шерифское управление маленькое – у нас всего десять сотрудников, по три на смену. В общем, разыскивать двух пропавших семилетних девочек практически некому. Чтобы оцепить район и допросить соседей, понадобится помощь резервистов.

– Луис... – говорит Моттс, – по-твоему, похоже на дело Макинтайр?

– Что-то общее, безусловно, есть, – нехотя признаюсь я. Мы так и не нашли подонка, который в прошлом году изнасиловал и убил десятилетнюю Дженну Макинтайр. С тех пор погибшая девочка каждую ночь является мне во сне. Я стараюсь оттолкнуть страшные мысли, убеждая себя, что с Петрой и Калли ничего подобного не случится. И все же нельзя исключать самое худшее.

Петра

Я не успеваю за ними, они идут слишком быстро. Я знаю, он меня видел, потому что он обернулся и улыбнулся. Почему они не остановятся и не подождут меня? Я зову их, но они как будто не слышат. Они где-то впереди, где – точно не знаю. Слышу голос... Подхожу ближе.

Калли

Становилось все жарче, неумолчно стрекотали цикады. Гриф вдруг затих, и Калли поняла, что он о чем-то задумался. Девочка пыталась подавить растущее в груди чувство тревоги. Чтобы отвлечься, она искала глазами цикад и считала их. Цикады облепили стволы и ветви деревьев. Калли сразу насчитала штук двенадцать. Раньше Бен собирал панцири цикад в старую, еще бабушкину, шкатулку для украшений. Он часами рассматривал серую кору деревьев гикори, осторожно снимал панцири со стволов и складывал в шкатулку с красной бархатной подкладкой. Потом он звал Калли, и они вместе смотрели, как из панциря выползает страшноватое существо с горящими глазками. Брат и сестра внимательно следили за неспешным путешествием. Вот скорлупка-панцирь постепенно трескалась, и изнутри выползло живое существо с влажными, прижатыми к телу крылышками. Потом цикаде предстояло терпеливо ждать, пока отвердеет наружный скелет. Бен клал Калли на ладонь сброшенный хитиновый панцирь, и крошечные лапки, булабочные уколы бывшей жизни, царапали ей кожу.

– Даже его жена подозревает неладное, – пробормотал Гриф.

Сердце у Калли тревожно затрепыхалось, но она продолжала упорно считать цикад. Тринадцать, четырнадцать...

– Даже его жена в курсе, что он к ней неровно дышит. Когда у Тони что-то случается, она сразу бежит к нему! – продолжал Гриф дрожащим голосом. – Разве она ко мне обращается? Нет, опрометью несется к Луису! А я, дурак, столько лет должен изображать твоего папашу! – Пальцы Грифа снова впились ей в плечо, его лицо побагровело от жара, со лба капал пот. Вокруг его головы летали крошечные мошки. Некоторые словно пылинки прилипали к потному лицу. – Ты хоть представляешь, как мне паршиво? Ведь в нашем городишке всем до последнего человека известно про твою мать! – Он грубо толкнул Калли на землю, от неожиданности девочка шумно выдохнула воздух. – Оказывается, ты не такая уж и молчунья! Теперь я знаю, что нужно сделать, чтобы ты заговорила.

Гриф наступал на нее, и Калли поползла назад, пятясь по-рачьи. У нее закружилась голова, из глаз хлынули слезы. Как он может, ведь он ее отец! У Калли маленькие уши, как у него, и такая же россыпь веснушек на носу. На Рождество они всегда рассматривали большой зеленый кожаный фотоальбом со снимками Калли и Бена. Фото Калли в полгода – она сидит у отца на коленях. На том снимке она вылитый Гриф, который сидит на коленях у своей матери в соответствующем возрасте. У нее такая же беззубая улыбка, такие же ямочки на щеках...

Калли открыла рот. Ей хотелось закричать: «Папа!» Хотелось подбежать к нему, обнять, ткнуться лицом в его мягкую футболку. Конечно, он ее папа, они одинаково подбочениваются и одинаково едят – сначала гарнир, потом мясо, а молоко оставляют напоследок. Лицевые мышцы задергались. Ей очень, очень хотелось заговорить, произнести слово «папа», но с губ сорвалось лишь тихое шипение.

Гриф навис над ней, она с ужасом смотрела в его перекошенное злобой лицо.

– А ну-ка, послушай! Может, ты и живешь в моем доме, но мне это не по нутру! – Он замахнулся носком ноги и пнул ее в лодыжку. Калли свернулась в комочек и закрыла голову руками. – Когда вернемся домой, я скажу твоей мамочке, что ты ушла поиграть, заблудилась и мне пришлось тебя искать. Поняла? – Гриф снова замахнулся, но Калли проворно перекадилась на бок. Потеряв равновесие, Гриф полетел ничком в густые заросли колючего терновника. – Пропади ты пропадом! – выругался он, осматривая исцарапанные, кровоточащие руки.

Калли успела встать раньше Грифа, она стояла, не сводя с него глаз. Он потянулся к ней, но Калли вывернулась, сделав неуклюжий пируэт на носках. Гриф попробовал схватить ее за плечо, но девочка вырвалась и убежала.

АНТОНИЯ

Я сижу на кухне и жду. Луис не велел мне заходить в комнату Калли – он предупредил, что, возможно, придется осмотреть ее вещи, чтобы понять, куда она девалась. Я не поверила своим ушам.

– Что? Как будто на месте преступления? – спросила я. Не глядя на меня, Луис буркнул: скорее всего, до этого дело не дойдет.

Я не так сильно волнуюсь за Калли, как Мартин за свою Петру. Может быть, я плохая мать? Калли вечно куда-то уходила. В магазине, стоило мне отвернуться на секунду, чтобы прочитать этикетку на банке с арахисовым маслом, как она исчезала. Я обегала весь магазин и, как правило, находила дочь в отделе «Мясо – рыба». Калли стояла у аквариума с крабами и постукивала пухлым пальчиком по стеклу. Она оборачивалась ко мне, я вздыхала с облегчением. Потом она с несчастным видом спрашивала:

– Мама, крабу больно, если у него вот так связаны лапки?

Я ерошила ее мягкие, легкие каштановые волосики и отвечала:

– Нет, им не больно.

– Разве они не скучают по океану? – не сдавалась Калли. – Давай купим их всех и выпустим в речку!

– Они могут жить только в морской воде, а в пресной умрут, – объясняла я. Напоследок Калли снова тихонько стучала по стеклу, а потом позволяла мне увести себя.

Конечно, это было раньше, когда мне не приходилось гадать, услышу ли я от нее еще хоть слово. До того, как я видела во сне, что Калли говорит, а я наслаждаюсь звуками ее голоса и стараюсь запомнить его тембр и модуляции.

То и дело я звоню Грифу на мобильник, но он отключен. Собиралась даже позвонить родителям Грифа, которые живут в центре городка, но потом передумала. Со своими родителями Гриф никогда не ладил. Они пьют больше его, и Гриф больше восьми лет не видится с отцом. Наверное, именно поэтому меня вначале и потянуло к Грифу. Мы с ним оба такие одинокие... Моя мама умерла, отец после ее смерти замкнулся в себе. А Луис... С Луисом у меня к тому времени все было кончено. Мы расстались не со скандалом, а тихо и печально. У Грифа, кроме вечно недовольных и равнодушных родителей, никого не было. Его единственная сестра давно уехала. Наверное, ей хотелось поскорее забыть тяжелые годы, проведенные под одной крышей с родителями-алкоголиками. Какое мы с Грифом испытали облегчение, когда нашли друг друга! Мы могли дышать полной грудью – по крайней мере первое время. Потом, как это всегда бывает, все изменилось. Вот и сейчас я нигде не могу найти мужа, хотя он мне очень нужен.

Чтобы чем-то занять руки, я то вынимаю из шкафчика посудные полотенца, то снова укладываю их на полку. Может, позвонить братьям? Рассказать, что случилось... Но мне страшно сознаваться, что Калли потерялась – а может, и не просто потерялась. Выглянув в окно, я вижу, что у дома останавливается машина Луиса. Оттуда выходят сам Луис и Мартин. Рубашка у Мартина уже мокрая – день сегодня жаркий. Девочек с ними нет. Их найдет Бен. Он ближе к ним по возрасту, ему легче представить, где они. Он их найдет.

Помощник шерифа Луис

Мы с Мартином Грегори идем к дому Тони. Мартину не удалось найти девочек, от всей души надеюсь, что Калли и Петра сейчас сидят у Тони на кухне, уплетают поджаренные Тони оладьи и пьют чай. А может, они пошли к Грегори, и сейчас их кормит Фильда. Телефонная ссора с Кристиной никак не выходит у меня из головы. Стараюсь забыть ее обвинения, но не получается.

Тони распахивает дверь, не дожидаясь, когда мы позвоним. Она стоит на пороге и смотрит на нас, красивая, как всегда. Летом она всегда одевается одинаково – футболка без рукавов, джинсовые шорты – и ходит босиком. Она здорово загорела, потому что много возится в саду и гуляет с детьми.

Антония сразу все понимает.

– Вы их не нашли, – говорит она.

– Не нашли, – отвечаю я, и она пропускает нас в дом, но ведет не в гостиную, как в первый раз, а на кухню. Она приготовила кувшин с холодным чаем и три стакана с кубиками льда.

– Для кофе сейчас слишком жарко, – объясняет Тони, наливая нам питье. – Садитесь, пожалуйста, – говорит она, и мы садимся.

– Вы хоть догадываетесь, где еще они могут быть? – жалобно спрашивает Мартин.

– Бен ищет их в лесу. Он знает, куда обычно ходит Калли, – отвечает Тони. Странно, она как будто совсем не волнуется. Просто невероятно! Она что, не понимает, что девочки в самом деле пропали?

– Тони, Калли часто... гуляет в лесу? – Я стараюсь как можно аккуратнее подбирать слова.

– Лес для нее все равно что второй дом. Совсем как для нас с тобой раньше, Лу, – говорит она. Наши взгляды встречаются, в них плещется целое море воспоминаний. – Калли никогда не заходит далеко и всегда возвращается. – Подумав, она добавляет – по-моему, только ради Мартина: – Живая и невредимая.

– Мы не разрешаем Петре ходить в лес без взрослых. Там слишком опасно. Она не найдет обратной дороги... – Мартин вроде бы никого ни в чем не обвиняет.

Я невольно вздрагиваю, когда Тони называет меня Лу. Вот уже много лет она ко мне так не обращалась. С тех пор как они с Грифом стали женихом и невестой, она стала называть меня Луис. Как будто сухое, официальное обращение могло послужить буфером, как будто я не знаю ее вдоль и поперек.

– Мартин, Бен скоро вернется, – утешает соседа Антония. – Если девочки там, – своей тонкой, но сильной рукой она машет в сторону леса, – Бен их приведет. Не знаю, куда еще они могли подеваться.

– Может, нам тоже пойти туда за ними? – оживляется Мартин. – Организуем поиски. Далеко ли могут забрести две маленькие девочки? Можно двигаться рядом и обследовать большой участок леса. Чем больше народу примет участие в поисках, тем скорее мы их найдем.

– Мартин, – говорю я, – у нас нет доказательств того, что девочки пошли именно в лес. Мы бросим все силы только на один участок, а они, возможно, совсем в другом месте, и мы потеряем драгоценное время. Лес Уиллоу-Крик занимает огромную территорию, около шестидесяти квадратных километров, большая его часть не обустроена для туристов и не досматривается регулярно. Надеюсь, если девочки действительно пошли в лес, они не сходят с туристских троп. Опушку осматривает наш сотрудник. – Я показываю на вторую патрульную машину, которая стоит у дома Кларков. – И все-таки я считаю, необходимо оповестить всех, что две девочки потерялись.

– Потерялись? – кричит Мартин. Его лицо темнеет от гнева. – Я свою дочь не терял! Мы уложили ее вчера спать в половине девятого вечера, а утром, когда я проснулся, ее не оказалось в комнате. Бог ты мой, она в одной пижаме! Когда до вас дойдет, что ее могли просто увести из спальни? Когда вы...

– Мартин, Мартин, я вовсе не говорю, что вы или Тони что-то сделали не так, – говорю я, стараясь его успокоить. – Нет никаких оснований полагать, будто девочек похитили. Нет следов взлома и борьбы. Кроме того, пропали теннисные туфли Петры. По-вашему, похититель сначала заставил Петру обуться и только потом увел ее из дому? Так не бывает.

Мартин вздыхает:

– Извините. Просто не представляю, куда они могли пойти. Если девочек не... не похитили и их нет там, где они обычно играют, логично предположить, что они именно в лесу. Ведь Калли очень любит туда ходить и часто там бывает.

Антония кивает:

– По-моему, Бен скоро приведет их обеих. Представляю, как они подождут хвостики, когда поймут, какая из-за них поднялась кутерьма!

В голову мне приходит мысль:

– Тони, туфли Калли тоже пропали?

– Не знаю. – Тони резко выпрямляется, не выпуская из рук запотевший стакан с холодным чаем. – Пойду проверю.

Тони поднимается на второй этаж, в комнату Калли. Мартин мелкими глотками пьет чай, ставит стакан на стол, но тут же снова хватается за него, потому что не знает, куда девать руки.

На некоторое время в кухне повисает неловкое молчание. Неожиданно Мартина прорывает:

– Никогда не понимал, почему Петра и Калли так подружились. Ведь у них нет ничего общего! Калли все время молчит. Как две семилетние девочки могут играть вместе, если говорит только одна из них? – Он бросает на меня раздраженный взгляд. – Петра обычно спрашивает: «Можно нам с Калли взять по бутерброду? Для Калли только с арахисовым маслом, она не любит джем». Откуда она знает, что Калли любит или не любит, если Калли не говорит? Не понимаю. – Он качает головой.

– Родственные души, – слышится негромкий голос с лестницы. В кухню заходит Тони. В одной руке у нее ношенные теннисные туфли, в другой – такие же старые шлепанцы. – Они родственные души, – повторяет она, заметив наши недоуменные взгляды. – Каждая из них точно знает, что нужно подружке. Петра умеет читать мысли Калли, как книгу. Она знает, в какую игру Калли хочет играть, знает, когда ей больно, – в общем, все. И то же самое с Калли. Она знает, что Петра боится грозы, уводит ее к себе в комнату и нарочно громко заводит музыку, которая перекрывает раскаты грома. А если Петре грустно, Калли умеет ее рассмешить. Калли строит такие забавные рожицы, что даже мы хохочем до слез. Они лучшие подруги. Не знаю, как объяснить, но у них как-то все получается. И я этому рада. Петре все равно, что Калли не умеет говорить, а Калли все равно, что Петра боится грома и иногда до сих пор сосет палец. – Тони умолкает и показывает мне туфли. – Ее туфли здесь. На следующей неделе мы собираемся купить ей новые, к школе. Ее ковбойские сапожки в гараже, я их сегодня видела. Так что Калли ушла босиком... Не понимаю. Без обуви она в лес не ходит.

Подбородок у Тони начинает дрожать – впервые с тех пор, как пропала ее дочь, видно, что ей страшно. Я кладу руку ей на плечо, и она не отстраняется.

Бен

Я побывал во всех наших любимых местах. Первым делом спустился в Ивовую низину, где мы качаемся на ветках плакучих ив, когда играем в обезьян. Внимательно осмотрел все семь деревьев, надеясь, что под одним из них найду вас с Петрой и что вы играете в прятки. Потом я дошел до Моста Одинокого Дерева. На самом деле это не мост, а просто довольно узкое старое дерево, упавшее поперек речушки. Сколько раз мы с тобой перебежали по нему на другой берег по очереди и соревновались, кто быстрее! Я всегда выигрывал. Но вас не было и там. Я прошел всю тропу вдоль Квакшина пруда туда и обратно, уверенный, что найду вас там и что вы высматриваете лягушек. Снова неудача... Мне не хотелось возвращаться домой без вас.

Я начинаю думать: может, отец взял вас с собой на рыбалку? Такая выходка вполне в его духе. Ни с того ни с сего он иногда вдруг превращается в доброго папочку, который устраивает детям незабываемую поездку. Бывает, он по целым неделям не обращает на нас внимания, а потом вдруг замечает и ведет куда-нибудь развлекаться. Однажды он вот так же вдруг взял меня с собой на рыбалку на Ивянку. Мы вышли из дома вечером, только я и он. Наживки у нас не было, поэтому мы ловили на плавленый сыр, взятый в холодильнике. Мы довольно долго просидели на берегу, в том месте, где речка шире всего. Почти не разговаривали, только хлопали комаров да вытягивали головастика и окуньков – и смеялись над нашим уловом. Потом мы поспорили на пять баксов, кто поймает самую маленькую рыбешку, и я выиграл. Я поймал окунька размером с гуппи. Еще мы грызли арахис, а скорлупу швыряли в воду. И пили газировку. Когда солнце начало садиться, мы услышали, как стрекочут сверчки, и папа сказал: «Можно вычислить, какая сейчас температура, по тому, сколько раз прострекочет сверчок». Я сказал: «Не может быть!» – а он ответил: «Еще как может!» И объяснил, как считать. Замечательный получился день, лучшего я и не припомню. Вот почему мне кажется: отец решил, что пора уделить внимание дочке, и взял вас с Петрой на рыбалку, только не подумал никому об этом сказать. И все-таки... вряд ли он взял с собой на рыбалку двух маленьких девочек. Хотя кто знает, что может прийти ему в голову?

Калли, надо отдать тебе должное, ты всегда держалась молодцом. Никогда не хныкала, как другие девчонки. Помню, тебе был год и ты только училась ходить – то и дело шаталась и спотыкалась. Мне было шесть лет, мама отправила нас во двор поиграть. Ты повсюду таскалась за мной и повторяла все-все мои движения. Я подобрал падалицу с земли под яблоней и швырял яблоки в дверь гаража, и ты тоже. Я злился, что какая-то малявка все за мной повторяет, но мне нравилось, как ты говорила: «Бе, Бе!» вместо «Бен». Когда ты меня видела, всегда ужасно удивлялась, что я рядом, и прямо светилась от радости, когда я входил в комнату, хотя мы с тобой до того виделись минут десять назад.

Мама смеялась и говорила: «Видишь, Бен, Калли любит своего старшего брата, правда, Калли?» И ты топала своей толстенной ножкой и кричала: «Бата, бата!» Потом подходила, обнимала меня за ногу и прижималась к ней.

В том же году мне исполнилось семь, и я получил на день рождения крутейшие ковбойские сапоги. Черные с красной прошивкой. Я носил их везде и все время. Похоже, ты ревновала меня к сапогам – если, конечно, такая малышка умеет ревновать. Заметив меня у зеркала, ты подходила и, пыхтя, старалась стащить их с меня. Ну и смеялись же мы! Мама, бывало, садилась на полу в спальне и хохотала до слез. Не знаю, может, тебе казалось, что я люблю свои сапоги больше тебя, а может, тебе просто нравилось, когда я сердился, но какое-то время это было твоим любимым занятием. В конце концов тебе всегда удавалось стащить с меня хотя бы один сапог, потому что ты была гораздо меньше меня и я не мог отшвырнуть тебя ногой. Попробовал бы я – мне бы так влетело! А много раз ты подкрадывалась ко мне, когда я смот-

рел телевизор, хваталась за сапог, тащила его, сграбастывала в охапку и убегала. Почти всегда ты сбрасывала сапог во двор со ступенек крыльца, но один раз зашвырнула его в туалет. Ох и разозлился же я тогда! После того случая я отказался носить сапоги. Мама вымыла сапог и просушила на солнце, но у меня как отрезало. Сапоги перешли к тебе. Ты с удовольствием надевала их, хотя они были тебе очень велики. Ты носила сапоги со всем подряд: с шортами, платицами, даже с пижамой. Не один раз маме приходилось стаскивать их с тебя уже в кроватке, когда ты засыпала. Ты и сейчас еще иногда носишь их. По правде сказать, я бы не удивился, если бы увидел, что ты топаешь в них сейчас по лесу.

До сих пор не понимаю, почему ты вдруг перестала разговаривать, но помню, когда это произошло. Тебе было четыре года, а мне – девять. Ты замолчала вдруг, внезапно. Только что ты носила мои сапоги, рассказывала глупые детские анекдоты и сама хохотала над ними, как сумасшедшая, а я закатывал глаза. А потом – ничего, ни слова. В доме стало так тихо... Как когда выходишь на улицу после первой серьезной метели в году, и все покрыто белым покрывалом, никто еще ничего не убирал, и на дороге нет машин. Все так тихо и красиво – но только сначала. Потом становится как-то не по себе. Тишина такая, что невольно орешь во всю глотку только ради того, чтобы услышать собственный голос, но ничего не слышишь в ответ.

Калли

Калли бежала по Широколистной тропе до самого обрыва, до того места, где тропа круто уходила вниз и, извиваясь, уступами спускалась к речке. На каждом уступе пахло по-своему: где вьюнками, где диким луком, где перегнившими листьями. В каждой низинке, за каждым поворотом как будто менялся и климат: то он теплый и влажный, то прохладный и сухой. Чем ниже спускалась Калли, тем прохладнее становилось. Высокие деревья тесно смыкались над головой, вьюнки цеплялись за лодыжки.

Гриф гнался за ней по тропе. Калли отлично его слышала. Она задыхалась от быстрого бега, у нее пекло в груди, но она не останавливалась. Скоро корявые древесные стволы и отвесные уступы стали пятнами расплываться у нее перед глазами. Солнце мелькало между ветвями, время от времени освещая участки леса. У нее закололо в боку, пришлось бежать медленнее, а потом и вовсе остановиться. Она внимательно прислушивалась к лесу. Внизу журчала Ивянка, на дереве пел кардинал, жужжали мухи. Калли озиралась вокруг, ища место, где можно спрятаться и отсидеться. В стороне от тропы крест-накрест лежали старые поваленные деревья – она решила, что за ними можно ненадолго укрыться и отдышаться. Она перелезла через гниющие стволы и села на землю, надеясь, что сверху, с тропы, ее не видно. Кое-как устроившись, девочка набросала на себя сухие ветки и листья, стараясь замаскировать яркую розовую ночнушку. Она сидела, держась за бок, и пыталась отдышаться, хотя боялась громко выдохнуть. Если Гриф услышит ее и найдет, ей уже не убежать.

Шли минуты. Гриф не появлялся. Только дятел стучал где-то над головой да слышались другие мирные лесные звуки. Несмотря на жару, Калли дрожала. Она растирала предплечья, покрытые гусиной кожей. Сегодня Гриф снова выместил на ней злость, даже ненависть, и она сразу вспомнила другой день, о котором всеми силами старалась забыть. В тот день...

Декабрь, мороз. Ей четыре года. Бен убежал кататься на санках с друзьями. Мама с огромным животом варила какао. В чашку Калли она бросала белые пухлые зефирины и кубики льда, чтобы не так горячо было пить. Калли устроилась за столом, разложив перед собой бумагу и разноцветные фломастеры.

– Ну, Кэл, как назовем малышку? – спросила мама, ставя перед ней чашку с какао. –пей осторожно, не обожгись.

Калли отложила рисование – она обводила по точкам елку, оленя и маленького, толстенького Санта-Клауса.

– Давай назовем ее Ледышкой, – ответила она, мешая в чашке тающие зефирины.

– Ледышкой? – засмеялась мама. – Какое необычное имя! Как еще?

– Кексиком, – хихикнула Калли.

– Кексик? Это второе имя?

Калли кивнула, набив рот липкой белой массой.

– Именинный торт, – добавила она. – Ледышка Кексик Именинный торт, вот как мы ее назовем!

– Славные имена, – улыбнулась мама, – только все какие-то... съедобные. Представляешь, позовешь малышку и тут же проголодаешься! Может, лучше назовем ее Лили или Эвелин? Эвелин звали мою маму.

Калли скорчила гримасу и нерешительно отпила глоток какао. Горячая сладкая жидкость обожгла горло, и Калли открыла рот и замахала перед ним ладошками.

Распахнулась дверь черного хода, на кухню ворвался клуб морозного воздуха.

– Папа! Папа вернулся! – закричала Калли. Она встала на стул, и когда отец поравнялся с ней, обхватила его руками за шею и заболтала ногами. Несмотря на то что Калли была в теплой фуфайке, она чувствовала холод, идущий от его куртки. Отец пытался утихомирить Калли:

– Не сейчас, Калли. Мне нужно поговорить с мамой.

Калли не выпускала его, и он неуклюже подошел к Тони, отодвинув дочку.

Ей в нос ударил запах пива.

– Фу! – Она наморщила носик.

– Я ждала тебя несколько часов назад, – ровным голосом произнесла Антония. – Ты что, закатился в город?

– Меня не было дома три недели, подумаешь, опоздал еще на несколько часов. – Хотя Гриф и не ругался, не произнес ни единого бранного слова, он говорил как-то особенно едко. – Зашел в «О’Лири», выпили с Роджером по рюмашке.

Антония внимательно оглядела мужа с головы до ног:

– Судя по запаху и по тому, в каком ты виде, выпил ты не одну рюмашку. Тебя не было целый месяц. Я думала, ты там, на нефтепроводе, успеваешь соскучиться по жене и детям.

Атмосфера постепенно накалялась. Почувствовав неладное, Калли принялась вырываться, но Гриф держал ее крепко.

– Да, я соскучился по жене и детям, но и с друзьями тоже надо повидаться. – Гриф открыл холодильник и стал искать пиво, но не нашел. С силой захлопнул дверцу, стеклянные бутылки задребезжали.

– Не хочу ссориться. – Антония подошла к Грифу и неуклюже обняла его – живот мешал. Калли потянулась к матери, но Гриф ее не выпустил. Он сел за стол, а Калли посадил на колени.

– Услыхал в «О’Лири» кое-что интересное, – сказал он как бы между прочим. Антония застыла на месте. – Ребята говорят, что Лорас Луис опять здесь ошивался.

Антония отвернулась и принялась доставать из шкафчика тарелки.

– На прошлой неделе он расчистил мне дорожку от снега. Он приезжал к миссис Нортленд. Почтальон забеспокоился, почему она не вынимает писем из почтового ящика. Оказалось, с ней все в порядке. В общем, он увидел, как я чищу снег, и предложил помочь. – Она обернулась, чтобы посмотреть, как Гриф отреагирует. – Бен болел, его тошнило. Он не мог чистить снег, вот я и вышла сама. А Луис просто проезжал мимо и остановился – подумаешь, большое дело. В дом он не заходил.

Гриф продолжал смотреть на Антонию. Невозможно было понять, о чем он думает.

– Что? По-твоему, я бы... мы бы... Я на седьмом месяце беременности! – Антония невесело рассмеялась. – Да ладно, думай что хочешь. А я пойду прилягу. – Она с трудом вышла из кухни. Калли слушала, как мама медленно, с трудом поднимается по лестнице.

Гриф вскочил и побежал следом, волоча за собой Калли. От неожиданности девочка прикусила язык и заплакала от боли, ощутив во рту металлический привкус крови.

– А ну, вернись! Я к тебе обращаюсь! – заорал он вслед жене. – Неужели тебе неинтересно узнать, о чем все говорят? – Гриф в два прыжка очутился у подножия лестницы. – Иди сюда! – Он набычился, на виске у него запульсировала синяя жилка.

Калли громко заплакала и принялась вырываться.

– Оставь ее! – крикнула Антония сверху. – Ты ее пугаешь!

– Замолчи! Заткнись! – заорал Гриф на Калли, взбегая по лестнице и волоча ее за собой. У Калли дергалась шея.

– Гриф, оставь ее! Ты делаешь ей больно! – кричала Антония, протягивая к Калли руки, стремясь выхватить ее.

– Грязная шлюха! Снова с ним спуталась! А меня за дурака держишь, так, что ли? Я пашу на Аляске как проклятый, чтобы прокормить семью, а ты, пока меня нет, любезничаешь со своим прежним дружкой!

Он вопил, брызжа слюной, капли слюны попадали на заплаканное личико Калли. Девочка выгнулась, стараясь вырваться.

Антония закричала:

– Гриф! Прекрати! Прекрати, прошу тебя!

Гриф добрался до площадки второго этажа, подскочил к Антонии и схватил ее за руку.

– Шлюха!

Истерические крики Калли почти заглушали вопли Грифа.

– Мама! Мамочка!!!

– Заткнись! Заткнись! – Гриф с силой отпихнул Калли. Девочка больно ударилась головой о деревянный пол и на короткое время затихла, не сводя с матери отчаянного, умоляющего взгляда. Та отталкивала Грифа и рвалась к дочери. Калли видела, отец крепко держит маму за руку. Тони дернулась и вдруг отскочила назад, как резиновый мячик. Она зашаталась на верхней ступеньке, и Гриф вначале как будто удержал ее, но потом... Калли и Гриф в ужасе смотрели, как Антония рухнула навзничь и покатила по ступенькам вниз.

– Мама! – взвизгнула Калли. Гриф бросился к Антонии. Он опустился на колени рядом с ее скорчившимся телом. Она лежала на боку, обняв руками живот. Лицо кривилось от боли. Она молча плакала.

– Сесть можешь? Заткнись, Калли! – рявкнул Гриф. Калли продолжала плакать. Гриф помог Антонии сесть.

– Ребенок, ребенок... – всхлипывала она.

– Все будет хорошо, все будет хорошо, – забормотал Гриф. – Ну извини, прости меня... Калли, да заткнись ты, черт тебя дери! Идти сама можешь? Пойдем, приляг на диван. – Гриф осторожно помог Антонии встать и подвел к дивану, где уложил ее и накрыл шерстяным платком. – Полежи, отдохни. Все будет хорошо.

Калли никак не могла успокоиться, она ковыляла вниз по лестнице, громко, взхлебывая рыдая. Антония лежала на спине, полузакрыв глаза. Услышав совсем рядом отчаянный плач дочери, она протянула к ней руку.

– Убирайся отсюда! – заревел Гриф. – Отойди, бога ради, и заткнись! – Дрожащими руками Гриф подхватил Калли на руки и отнес на кухню. – Сиди здесь и молчи! – Гриф мерил кухню шагами, рвал на себе волосы и время от времени дрожащей рукой вытирал губы.

Калли по-прежнему захлебывалась в плаче, плач перемежался икотой. Гриф склонился над девочкой и долго, наверное, целую минуту, что-то шептал ей на ухо. Часто-часто моргая, Калли внимательно слушала злобное шипение отца. Его шепот перемежался тихими стонами матери. Потом Гриф вскочил и выбежал через черный ход, снова напустив в дом холод.

Вечером, когда Бен вернулся с прогулки, они с Калли по очереди дежурили возле мамы. Антония лежала на диване и горько, отчаянно плакала. Наконец Бен позвонил Луису, а тот вызвал скорую. Медики приехали как раз вовремя, потому что у Тони начались роды. На свет появилась хорошенькая мертвая девочка, похожая на птичку, кожа у нее была такой же синеватой, как губы матери. Новорожденную так и не удалось оживить. Ее увезли, но Калли успела ласково погладить мертвую сестренку по рыжим волосикам.

Прошло много лет. Калли пряталась за трухлявыми деревьями и вспоминала слова, которые тогда шептал ей на ухо отец. Она запомнила их на всю жизнь.

Сзади послышался шорох. Отец? Не может быть. Лесничий Фелпс? Сердечко у Калли забилося часто-часто. Может, выйти к нему из своего убежища? Она напряженно думала. Показать или нет? Если она выйдет, лесничий Фелпс непременно ответит ей домой, а она не может рассказать ему, что случилось. А если по дороге они встретят отца? Лесничий, конечно, передаст ее Грифу с рук на руки, и тогда конец. Нет. Надо остаться здесь и затаиться. Дорогу домой она знала, ей только нужно потерпеть и переждать, пока Гриф не уйдет. Скоро ему надоест ее искать, ведь ему хочется поехать на рыбалку с Роджером и выпить. На уровне ее глаз промелькнули оливковые форменные брюки лесничего Фелпса. Несмотря ни на что, Калли ужасно захотелось выскочить из своего импровизированного шалаша и схватить его за руку. Лесничий пропал так же быстро, как и появился. Он словно растворился в зарослях папорот-

ника. Мягкая земля заглушала его шаги. Калли села, подтянула колени к подбородку и закрыла голову руками. Она решила: если она не может увидеть своего отца, то он, конечно, тоже не сможет увидеть ее.

Мартин

Я останавливаюсь у дома и вижу на крыльце Фильду. Курчавые черные волосы кое-как зачесаны назад, очки криво сидят на носу. Фильда выжидательно смотрит на меня. Я качаю головой, и у нее вытягивается лицо.

– Что нам делать? – жалобно спрашивает она.

– Помощник шерифа велел обзвонить всех знакомых – пусть тоже поищут. Он попросил найти недавний снимок Петры, желательно крупный. Я отвезу снимки девочек в полицейский участок. Они распечатают листовки, и надо попросить знакомых расклеить их на видных местах.

Фильда тянется ко мне и обнимает меня за шею.

– Что же мы будем делать? – Она тихо плачет.

– Фильда, мы ее найдем. Мы обязательно найдем Петру и приведем ее домой. Обещаю. – Мы стоим на крыльце, и данное мною обещание тяжким бременем ложится нам обоим на плечи. Потом Фильда отходит от меня.

– Иди расклеивай листовки, – решительно говорит она. – А я обзвоню знакомых. Пройдусь по всей телефонной книге, от «А» до «Я». – Она целует меня на прощание, я сжимаю ей руку и закрываю дверь.

Я еду по улицам нашего городка и то и дело озираюсь по сторонам. Где Петра? Я пытаюсь заглядывать в окна домов и во дворы, тяну шею... Несколько раз я едва не съезжаю с дороги. Сам не знаю, как я добираюсь до полицейского участка. На ватных ногах вхожу. Говорю дежурному, кто я такой. Он смотрит на меня в упор, я не отвожу взгляда, стараясь понять, что он обо мне думает. Может, он меня подозревает? Жалеет? Не знаю.

– Мистер Грегори, листовки сейчас будут готовы, – говорит он и выходит.

Попав наконец в свой тихий кабинет в колледже Святого Килиана, я заново, минуту за минутой, переживаю сегодняшний страшный день. Никак не могу сосредоточиться. Передо мной на столе лежит груда листовок. С них на меня смотрит хорошенькое личико дочки. Присутствие Петры в комнате почти ощутимо. Петра любит сидеть за моим большим ореховым письменным столом. Здесь она играет в куклы. Кукол она притаскивает с собой в большой холщовой сумке, на которой написано ее имя. Проверая студенческие работы, я невольно подслушиваю писклявые переговоры ее любимиц и улыбаюсь про себя. Петра любит слушать рассказы по истории нашего колледжа. Она ходит со мной по всем зданиям. Через витражные окна проникают разноцветные солнечные лучи. На витражах изображены католические святые и мученики. Петра часто останавливается у витража со святым Килианом, в честь которого назвали колледж, и любит желто-оранжевыми, лазурными, медными и желто-зелеными стеклышками. На витраже представлено житие святого. В центре стоит сам Килиан – старец, облаченный в бурую хламиду. В руке он держит свиток. Рядом с ним изображен медведь, над головой святого вьется стайка черных дроздов. Я много раз рассказывал Петре про святого Килиана, но она не устает слушать про него снова и снова. Святой Килиан, он же Галл или Каллю (его называют по-разному), родился в Ирландии в шестом веке нашей эры. Если верить легенде, отшельник Килиан жил в лесу. Как-то раз он приказал медведю принести хвороста для костра, и медведь повиновался. Я часто рассказываю Петре и другую легенду. Зигеберт, король Австразии, территории на северо-востоке современной Франции и на западе современной Германии, просил Килиана изгнать бесов из своей нареченной супруги. Килиан согласился, по его приказу демоны покинули страдальицу и вылетели из нее в виде стайки черных дроздов. Петра всегда вздрагивает от удовольствия, слушая эту историю, и крепко стискивает в кулаке кулончик в виде музыкальной ноты – цепочку с этим кулончиком она никогда не снимает.

Когда коллеги знают, что Петра у меня, они специально заходят ко мне в кабинет. Они расспрашивают ее о школе, о друзьях, а Петра рисует им картинки, которые они потом вешают у себя в кабинетах. Студенты тоже обожают Петру, она запоминает по именам всех, кто когда-либо заходил ко мне при ней. Однажды, прошлой зимой – Петра безмятежно играла у меня под столом – ко мне заглянул очень расстроенный третьекурсник. Молодой человек, обыкновенно уверенный в себе и обаятельный, был чуть ли не в слезах. Он боялся, что не успеет вовремя сдать экзамены. Он никак не мог полностью сосредоточиться на занятиях – чтобы оплатить учебу и проживание, ему нужно было найти еще одну подработку.

– Везунчик, – сказал я студенту, – ты слишком много на себя взвалил. Вполне естественно, что ты расстроен. – Я поспешил вытащить Петру из-под стола и представил ее молодому человеку, не дожидаясь, пока тот расплатится. – Это моя дочь, Петра. Она часто заходит ко мне в кабинет в конце недели и помогает мне. Петра, это Везунчик Томпсон, мой студент.

Петра окинула Везунчика критическим взглядом, задержавшись на его нечесаной шевелюре, мешковатых джинсах и фуфайке.

– Тебя на самом деле зовут Везунчик? – звонко спросила она.

– Нет, по-настоящему меня зовут Линтон, но здесь все называют меня Везунчиком, – объяснил парень.

– Неплохо, – заявила Петра, кивнув. – Ну и как, ты правда везунчик?

– Да, наверное... мне часто везет.

– У тебя есть домашнее животное? – продолжала она его расспрашивать.

Везунчик удивился.

– Есть... пес, – ответил он.

– Говорят, домашние животные умеют снимать стресс. Как зовут твоего пса?

– Сержант. Золотистый ретривер.

– Круто! Папа, помнишь, бабушка говорила, что ей в кафе всегда нужны помощники? Может, она возьмет Везунчика к себе? – предложила Петра.

Позвонив теще, я выяснил, что так и есть, и договорился, что Везунчик придет и поговорит с ней.

– Ты умница, Петра. – Везунчик широко улыбнулся, погладил Петру по голове и пощекотал ей подбородок.

Так по-своему, без труда, Петра в очередной раз сотворила чудо и сделала мир чуточку лучше. Молодой человек вышел от меня довольный. Вскоре он действительно устроился подрабатывать в «Моурнинг Глори».

Меня трясет от напряжения и тревоги. Я сжимаю кулаки – хрустят суставы. Сегодня я ясно сознаю, что я уже не мальчик. Я беру пачку листовок и рулон скотча, закрываю дверь кабинета и приступаю к тяжелой работе: расклеиваю листовки с дочкиной фотографией на окна и телефонные столбы по всему городку.

АНТОНИЯ

Ухо болит от бесконечных телефонных разговоров. Я все утро обзваниваю знакомых и спрашиваю, не видели ли они Калли и Петру. Я позвонила всем, кого вспомнила: соседям, одноклассникам, даже учителям. Девочек никто не видел. Мои собеседники часто умолкают, и я угадываю в их молчании осуждение. Я потеряла ребенка, свое самое драгоценное сокровище. Не доглядела за дочерью, и она пропала. Наверное, все они в душе порицают меня. Сначала при моем попустительстве девочка замолчала, а теперь и вовсе пропала, потерялась. «Что она за мать?» – вот что думают мои соседи, хотя и не говорят вслух. Вслух все желают мне удачи, обещают молиться за меня. Да, конечно, они внимательно осмотрят окрестности. И знакомых тоже попросят искать девочек. Они очень добры.

Надо было расклеить по всему городу листовки еще в тот день, когда Калли лишилась дара речи. Вот что я написала бы: *«РАЗЫСКИВАЕТСЯ прелестный голосок Калли Кларк. Четыре года, но на слух гораздо старше, очень богатый словарный запас. В последний раз ее слышали девятнадцатого декабря, сразу после того, как ее мать упала с лестницы. Пожалуйста, звоните, если вам что-нибудь известно. Нашедшего ждет вознаграждение»*. Глупо, думаю я, ведь на самом деле я почти не помогла Калли вернуть голос. Разумеется, все, что надо, я сделала. Водила ее к врачу и даже к психотерапевту. А что толку? Она не произнесла ни одного слова. Я всеми силами старалась стереть из памяти день, когда я потеряла ребенка, но обрывки страшных видений являются мне в самые неподходящие моменты. Иногда я выпаываю сорняки в саду и вспоминаю, как мечтала, что, если родится девочка, назову ее Поппи – Маковкой, ведь не могла же я в самом деле называть ее Ледышкой Кексиком Именинным пирогом. Зато Поппи кажется мне самым подходящим для нее именем. У нее были хорошенькие рыжие волосики, да и вся она, когда ее поднесли ко мне попрощаться, напоминала маленький увядший цветочек с красными лепестками. Медики делали все возможное, чтобы спасти ее, но она так и не задышала.

Бывает, я мою посуду и вспоминаю... Гриф тогда уложил меня на диван, а потом потащил Калли на кухню и что-то долго шептал ей на ухо. Сначала я еще подумала, что он пытается ее успокоить, утешить, сказать что-то хорошее. Но именно с того дня Калли замолчала. Я ни разу не спрашивала Грифа, что он тогда говорил Калли. Хуже того, я и Калли не спрашивала.

Я выхожу на улицу, и меня сразу окружает невыносимый зной. Над шоссе поднимается жаркое марево. Воздух дрожит, он какой-то тяжелый, словно сгущенный. Стрекот цикад буквально оглушает. Из леса медленно выходит Бен. Плечи у него опущены, руки в карманах. Он весь мокрый от пота. Мне кажется, что Бен снова стал маленьким мальчиком. В детстве он был очень славным, но неуверенным в себе. Ему хотелось стать своим в компании мальчишек, правда, он толком не понимал, как это сделать. Бен довольно рослый для своих лет. Он всегда был самым высоким в классе. Одноклассники смотрели на него снизу вверх – его размеры внушали почтение. Зато его вежливость и мягкость озадачивали. Играя в баскетбол, он, бывало, всегда прекращал игру, если нечаянно толкал кого-то, и шел извиняться. Если противник падал, Бен давал ему руку и помогал встать.

– Извини, мама, – шепчет Бен, проходя в дом мимо меня.

Я иду следом и вижу, что он стоит на кухне, прислонившись к рабочему столу. Я лезу в шкаф за стаканом и наливаю ему лимонаду.

– Спасибо тебе, Бен. Я знаю, ты сделал все, что мог. Никто не знает лес лучше тебя. Если бы девочки были там, я уверена, ты бы обязательно их нашел.

Он отпивает большой глоток лимонада, и лицо у него сморщивается.

– Сейчас опять пойду туда, только ребят обзвоню. Придется забраться поглубже. Может, она сама куда-то забрела, ей нравится все исследовать.

– Хорошая мысль. Я тоже пойду в лес. А пока попрошу миссис Норленд посидеть у нас. Пусть отвечает на телефонные звонки. И потом, вдруг девочки сами вернуться? Звони мальчикам, а я захвачу нам с собой воды.

Бен подходит к аппарату, и тут телефон начинает звонить. От неожиданности Бен вздрагивает, но тут же хватается трубку.

– Алло? – вопросительно говорит он. – Да, минуточку. – Он передает мне трубку и шепчет: – Луис.

– Лу... – Мне хочется плакать. – Ну что?

– Пока ничего. Мы известили полицию штата, к нам посылают специалиста. Он приедет где-то через час. Ему нужно будет поговорить с тобой, с Беном, а также с мистером и миссис Грегори. – Луис довольно долго молчит. – Мы пробовали связаться с Грифом и Роджером Хоганом, но нигде не можем их найти. По словам миссис Хоган, Роджер собирался заехать за Грифом около четырех утра. Вроде бы они поехали в Джульен. Я позвонил в тамошний полицейский участок. Они найдут охотничий домик и расскажут Грифу и Роджеру, что случилось.

Интересно, как поведет себя Гриф, когда узнает, что девочки пропали. Забеспокоится ли он, вернется ли домой сразу или останется там, а разбираться со всем предоставит мне, как всегда? Как же я любила Грифа! Я и до сих пор его люблю – да, наверное, люблю... по-своему. До того, как спиртное вытеснило меня из его сердца, он был замечательный. До того, как он не превратился в теперешнего Грифа, я была нужна ему...

– Нам с Беном приехать в участок? – спрашиваю я у своего друга детства, с которым мы должны были пожениться. Правда, если бы я вышла замуж за Луиса, не было бы ни Бена, ни Калли.

– Давай лучше так – я тебе позвоню, и мы сами к вам приедем. Если Калли вдруг вернется домой, ты ее встретишь. Тони... мне нужно тебе кое-что сказать. Тот тип из полиции штата занимается розыском пропавших детей. Он все повидал на своем веку, а тебя он не знает. Возможно, он будет задавать тебе... вопросы, которые тебе не понравятся.

– Что ты имеешь в виду? – спрашиваю я, но до меня тут же доходит. – Хочешь сказать, он подумает, будто мы как-то причастны к их пропаже? О господи! – Мне стыдно и страшно.

– Тони, я буду рядом с тобой. Важные шишки любят командовать, но этот, кажется, парень неплохой. Он поможет найти Калли и Петру.

– Хорошо, Лу, мы вас ждем, – тихо говорю я. Воцаряется молчание, тяжелое, как летняя жара.

– Тони, я сообщил о пропаже Калли и Петры в НЦИП, – с деланой небрежностью говорит Луис. Он как будто хочет убедить меня в том, что это пустяк. Но я-то понимаю, что речь идет о чем-то важном.

– Что такое НЦИП? – спрашиваю я.

– Национальный центр информации по преступлениям. У них есть централизованная база пропавших без вести. Таким образом, все правоохранительные органы будут в курсе. Кроме того, я оповестил участки всего нашего округа, передал им приметы Петры и Калли. Все будут искать их.

– Хорошо придумал, – говорю я. В голове все кружится. – А как насчет «Эмбер алерт»¹?

– Ребенок объявляется в розыск по всей стране только в случае похищения. Пока мы не знаем наверняка, похитили девочек или нет.

Какое-то время мы молчим. Наконец Луис решительно произносит:

– Тони, обещаю, все будет в порядке!

Я отключаюсь. Бен внимательно смотрит на меня. Он ждет моих указаний.

¹ Имеется в виду действующая в США экстренная система поиска похищенных или пропавших детей. (Здесь и далее примеч. пер.)

– Бен, прими душ. К нам приедет специалист по розыску пропавших детей из полиции штата...

– А как же поиски? – нетерпеливо перебивает он.

– Раз Луис говорит, что мы должны побеседовать с приезжим, мы с ним побеседуем. Иди прими душ. – Я снова сажусь и принимаюсь ждать.

Калли

Калли услышала в зарослях какой-то шорох и сразу будто окаменела. Вдруг совсем недалеко от нее хрустнула ветка. Калли вскинулась, у нее екнуло сердце и сразу заболела голова. Застыв, она ждала, что будет дальше – ей казалось, вот-вот из-за дерева покажется лицо отца. Захрустели сучья, к ней приближался явно не Гриф, а кто-то полегче. Неожиданно она увидела белохвостого оленя в рыжевато-бурой шубке, испещренной едва заметными белыми пятнами. Совсем молодой олень, олененок... Он почуял Калли и сразу застыл на месте. Уши у оленя были длинные и тонкие, как у чернохвостого зайца, глаза черные, блестящие, цвета слюды. Калли вспомнила, что Бен держит кусочки слюды дома, у себя в комнате. Девочка и олененок некоторое время пристально смотрели друг на друга, а потом любопытный зверь подошел ближе к Калли. Так близко, что, если бы Калли осмелилась, она бы погладила оленя по гладкому черному носу. Затаив дыхание, Калли встала на колени. Олененок вздрогнул, попятился, но тут же снова остановился. Они опять посмотрели друг на друга. Оба длинноногие, с узловатыми коленками, и оба одинокие. Нерешительно шагнув к Калли, олененок в виде опыта понюхал воздух рядом с ней. Калли осмелилась выйти из своего укрытия, и олень, как и в прошлый раз, нерешительно отступил. Они снова застыли в неподвижности, внимательно разглядывая друг друга. Наконец олененок решительно сделал два шага навстречу Калли. Удивившись, Калли попятилась и споткнулась об упавшую березу. Схватила за ствол, попыталась выпрямиться. Белая, похожая на бумагу березовая кора рассыпалась в руках. Встав в полный рост, Калли шагнула к олененку и протянула к нему грязную руку. Он тоже потянулся к ней. Они словно танцевали без музыки – вальсировали на ковре из палых листьев, под куполом зеленых древесных крон, через которые просвечивали солнечные лучи. Ненадолго оба забылись, и каждый очутился в своем мирке... Ни один из них не произнес ни звука. Их молчаливый танец заменял им разговор.

Помощник шерифа Луис

Я сижу за столом, заваленным листовками с фотографиями двух пропавших девочек, и жду специалиста по розыску пропавших детей. По моей просьбе Мег направила аптекаря Дэвида Гласса, резервиста, к родителям пропавших девочек. Пусть собирает информацию. Он будет сидеть в нашей самой старой патрульной машине на дорожке между двумя домами. К Дэвиду будут стекаться все сведения, полученные в ходе расследования.

На меня смотрит личико Калли, листовку с ее изображением раздали всем нашим сотрудникам. Как она похожа на мать! Те же каштановые волосы и карие глаза, волосы собраны в такой же небрежный конский хвост, что был у Тони в детстве.

Мы с Тони познакомились зимой, в первом классе – нам обоим исполнилось по семь лет. Мы с мамой, сестрой и братом только что переехали из Чикаго в крошечный городок Уиллоу-Крик. За год до того от инфаркта скоропостижно скончался отец, одна приятельница помогла маме устроиться на работу в здешнем колледже. В Уиллоу-Крик мне поначалу казалось так тихо и пусто, что я скучал по шуму машин и знакомым голосам соседей, которые непрерывно смеялись и ссорились. Помню, я лежал на новой кровати – впервые в жизни у меня появилась своя отдельная комната – и мне недоставало тихого храпа младшего братишки. Из-за здешней тишины я вначале плохо спал. Ближайшие соседи жили довольно далеко – не докричишься. Слышался только собачий лай да завывание ветра. После многих бессонных ночей мама наконец купила мне маленький радиоприемник. Я поставил его рядом с кроватью, и он заполнял тишину, не дававшую мне уснуть.

Мне не хотелось идти в новую школу в Уиллоу-Крик, поэтому в первый день учебного года я притворился больным. Мама села в изножье кровати и посмотрела мне в глаза.

– Лорас Майкл Луис! – строго сказала она. – Уж кто-кто, а я знаю, как нелегко покидать знакомые места и начинать жизнь сначала. Сейчас рядом нет отца, который мог бы тебе помочь. Ты самый старший, брат и сестра смотрят на тебя и берут с тебя пример. Если ты будешь валяться в постели и притворяться, что тебе плохо, так же поступят и они. Если ты встанешь бодро и с готовностью всех победить, так же поступят и они.

– Мама, Кэти всего три месяца, она еще никого не может победить, – огрызнулся я.

– Ты самый старший мужчина в семье, на кого она может равняться. От того, как ты ведешь себя сейчас, зависит, каким Кэти будет представлять себе настоящего мужчину, когда вырастет. Подумай над этим хорошенько! Вставай.

– Ладно, ладно, встаю!

Я выполз из кровати, оделся и помолился за то, чтобы в этом богом забытом городишке нашлись ребята, которые умеют играть в стикбол².

В тот первый день мама сама отвезла нас в школу. Небо было синим, как яйцо малиновки, а земля покрыта снегом, таким ослепительно-белым, что на него было больно смотреть. Было очень холодно, и изо рта вырывались струйки пара, хотя мама включила печку в нашем стареньком синем «плимуте-эрроу» на полную мощность. Школа находилась на окраине городка и представляла собой большое старое двухэтажное строение из красного кирпича. Она оказалась даже больше моей прежней частной чикагской начальной школы. Правда, сами здания были очень похожими, что меня немного утешило. Потом я заметил, что ученики всех возрастов бежали куда-то за школу, волоча за собой красные пластмассовые ледянки или деревянные санки.

² Стикбол – упрощенная форма бейсбола, уличная игра, в которой вместо бейсбольного мяча используется резиновый мячик, а вместо биты – ручка от метлы или палка.

– Пошли, Дейв! – сказал я брату, который шел в нулевой класс. – Вперед! – Я схватил сумку с учебниками, наскоро попрощался с мамой, и мы вышли из машины.

– Эй! – закричала мама нам вслед. – Может, мне проводить вас до дверей?

– Нет, спасибо. – Я закинул сумку на плечо, и мы пошли по цепочке следов на снегу на задний двор. Для меня, семилетнего, зрелище было поразительным. Оказывается, школа стояла на вершине довольно большого холма, который круто обрывался вниз. В одних местах склон был круче, в других – более пологий. Внизу, у подножия холма, раскинулся огромный луг размером с два футбольных поля. Дети выстраивались в очереди на вершине, чтобы проехать вниз по накатанным дорожкам; порядок тут был более-менее налажен. Ученики постарше, семи- и восьмиклассники, толпились перед склоном, который почти отвесно уходил вниз. На том склоне было много рукотворных трамплинов, заботливо утопанных для того, чтобы санки взлетали повыше. Дети поменьше собирались у более пологих склонов, где спуск был не таким крутым. Мы с завистью смотрели, как они вопят от восторга, съезжая вниз, а потом решительно карабкаются наверх, волоча за собой санки.

Вдруг мое внимание привлекла одна крохотная фигурка. На мальчишке – я решил, что передо мной мальчишка моего возраста или младше, – были черные непромокаемые штаны, черная зимняя куртка, которая явно была ему велика, и черные резиновые сапоги. На руках у него были варежки разного цвета – одна красная и одна зеленая. Черную шерстяную шапочку он надвинул на самый лоб. Мальчик в разных варежках уверенно подтащил серебристую ледянку в форме рыбки к самому крутому склону, возле которого толпились большие ребята, и встал в очередь за тремя высокими старшеклассниками. Те развернулись, расхохотались и бесцеремонно вытолкали малявку из очереди. Ничуть не испугавшись, он снова протиснулся на место и отказывался уходить, хотя старшие подтрунивали над ним. Когда очередь дошла до него, он сел на ледянку, а стоящий за ним мальчик подпихнул его носком большого охотничьего сапога. Ледянка понеслась вниз с горы, раскачиваясь и подпрыгивая на кочках, взлетая вверх и приземляясь на обледенелой, раскатанной дорожке. Я наблюдал за смельчаком, затаив дыхание: сейчас он убьется на глазах у всех!

– Вот ведь черт! – прошептал стоящий за мной Дейв, и я молча кивнул в знак согласия.

Мне показалось, маленький смельчак спускался целую вечность. Голова на тонкой шее то и дело дергалась, но он держался. Ледянка опасно накренилась только один раз, когда налетела на последний, самый высокий трамплин. Тут шерстяная шапочка слетела с головы смельчака, и из-под нее выбились длинные каштановые волосы, кое-как собранные в конский хвост. Смелчак оказался девочкой! Пока она доезжала последние метры до полной остановки, я полностью и бесповоротно влюбился в нее. До сих пор не могу не улыбнуться, когда вспоминаю тот день, и до сих пор изумляюсь, как быстро Тони завоевала место в моем сердце. Еще удивительнее то, что она и до сих пор царит в нем.

Я поднимаю голову. Догадываюсь, кто ко мне пожаловал! Я встаю из-за стола и иду навстречу агенту Фитцджералду из полиции штата.

Бен

Из окна моей спальни видно машину помощника шерифа. Он остановился у дома Грегори, я вытягиваю шею, чтобы посмотреть, кто приехал с ним, надеясь, что он привез тебя, Калли. Но с ним не ты. Из машины вылезает какой-то коротышка в коричневых брюках, белой рубашке и красном галстуке. Я слежу за ним. Коротышка внимательно осматривает дом Грегори, а потом они с помощником шерифа Луисом звонят в парадную дверь. Наверное, это тот самый специалист из полиции штата, о котором говорила мама. Калли, ну и задала ты всем шороху! Просто поразительно – как тебе удалось всех перебалаламутить, не произнеся ни слова?

Сегодня я должен был ночевать у Реймонда, но передумал. По крайней мере я никуда не уйду, пока мы не найдем тебя. Тебе и раньше не нравилось, когда я ночевал у друзей. Бывало, я собирал вещи, а ты сидела у меня на кровати и смотрела на меня так печально, что мне приходилось то и дело повторять: «Калли, завтра я вернусь. Подумаешь, большое дело!» Но ты все равно ужасно грустила. Тогда я разрешал тебе поиграть с моими шахматами, которые папа подарил мне совсем недавно, на Рождество, и ты немножко успокаивалась.

И мама такая же, как ты. Конечно, она всякий раз притворялась веселой и говорила: «Да, конечно, тебе нужно ночевать у друзей, Бен. Мы, юные леди, прекрасно обойдемся без тебя, правда, Калли? У нас есть папа, он составит нам компанию».

По правде говоря, я ночую у друзей, только когда отец дома. Оставлять вас совсем одних я не могу, а когда отец приезжает с Аляски, мне иногда даже лучше держаться от него подальше.

Помнишь вечер, когда он «учил тебя говорить»? Это было прошлой осенью, ты тогда ходила в первый класс. Мамы почему-то не было дома. Кажется, она поехала в школу, куда ее вызвала твоя учительница. В общем, мы остались на папином попечении. Он сидел в своем любимом зеленом кресле и разглагольствовал. Он считал, что в школе напрасно поднимают столько шума из-за твоего молчания. Сначала он говорил спокойно, а потом как будто что-то задумал. Вдруг он спросил у тебя:

– Калли, хочешь сделать маме приятное?

Конечно, ты закивала – ты была очень рада.

Папа велел тебе подойти к нему и посадил тебя на колени. Ты смотрела на него большими глазами, все ждала, что он скажет тебе, какой сюрприз он приготовил для мамы. Вид у папы был такой довольный, что я тоже подошел и спросил, не могу ли и я поучаствовать.

Отец улыбнулся:

– Ты молодчина, Бен, но кое-что для мамы может сделать только Калли. – Потом он посмотрел на тебя. – Калли, разве не замечательно будет, если ты скажешь маме, что ты ее любишь? Она очень обрадуется, и я тоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.